

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**КОРОЧАНСКИЙ, ЯБЛОНОВСКИЙ УЧАСТКИ
БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ В СИСТЕМЕ ОБОРОНЫ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XVII В.**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.03.01 Педагогическое образование, профиль История
заочной формы обучения, группы 02031352
Разумовского Владимира Сергеевича

Научный руководитель:
к.и.н., доцент кафедры российской
истории и документоведения
Сарапулкин В.А.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛГОРОДСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ	8
§ 1. Причины строительства	8
§ 2. Характеристика основных пунктов их функционирование	14
ГЛАВА 2. ЯБЛОНОВСКОЙ И КОРОЧЕНСКИЙ УЧАСТКИ ЗАСЕЧНОЙ ЛИНИИ	43
§ 1. Строительство Яблоновского участка	43
§ 2. Корочанский участок	51
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	60
ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ	62

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Задолго до появления Московского княжества оборонительные засеки существовали во многих странах. Но в силу необходимости на Руси они достигли небывалого масштаба. В исторических документах чаще упоминаются «засечные черты», прикрывавшие от вражеских набегов с юга.

Расширялись границы государства, и все дальше от Москвы строились новые укрепления. А.Яковлев в книге, изданной в 1916 году, отмечал: «Отдельные приемы возведения защитных укреплений были известны испокон веков, вырабатывались столетиями, но сцепить их в систему и придать засечной черте характер постоянного учреждения смогло только окончательно сложившееся и упрочившееся государство. Сомкнувшаяся в 60-х годах XVI в. «засечная черта», сраставшаяся десятилетиями, если не веками, собралась из укреплений, существовавших и раньше, но теперь приведенных в связную и сплошную систему, охрана и поддержание которой были сделаны повинностью всего населения государства вообще и близ лежащих уездов в особенности.

В XVI веке лесостепная территория между Московским государством и Крымским ханством называлась Диким полем, и была по большей части своей безлюдна. Через эти земли пролегали основные пути набегов крымских татар на Русь, эти пути назывались шляхами. Целью набегов крымских татар являлись грабежи и захват невольников. Работоторговля, процветавшая в то время на территории Крыма, была значительным экономическим подспорьем для Крымского ханства. По подсчётам западного исследователя Алана Фишера, количество угнанных в рабство людей из русских земель по обе стороны границы составило на протяжении XIV-XVII веков около 3 миллионов человек. Это было значительной угрозой для Московского государства. Западнее же Дикого поля, по реке Ворскла, проходила граница

Великого княжества Литовского (позднее – Речи Посполитой). Всё это диктовало московским правителям необходимость закрепления южных рубежей своего государства.

Если строительство других участков черты освещено довольно хорошо, то Корочанский и Яблоновский участки Белгородской черты в системе обороны Русского государства в 17 веке описаны лишь в работе В.П. Загоровского «Белгородская черта» (1969)¹, местоположение некоторых острогов до сих пор не уточнено.

Историография. В отечественной историографии не так много источников, которые бы описывали историю строительства засечных черт в Русском государстве в целом, и Белгородской черты в частности. Первым фундаментальным трудом на эту тему можно считать работу А.И. Яковлева «Засечная черта Московского государства в XVII в.»², изданную в 1916 году. Автор довольно подробно, опираясь на архивные документы, описывает строительство оборонительных сооружений в Московском государстве, рассмотрена и история создания Белгородской засечной черты. Вторым фундаментальным трудом, который описывает непосредственно создание Белгородской линии, является работа В.П. Загоровского «Белгородская черта»³. Этот труд содержит много детальных описаний самого процесса строительства, указание местоположения оборонительных узлов, обширные статистические данные. Этому же автору принадлежат такие работы как «Изюмская черта» (1980)⁴, «История вхождения центрального черноземья в состав Российского государства в XVI в. (1990)⁵, «Некоторые особенности колониционного процесса южной окраины России в XVII в. и его

---

¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – 304 с.

² Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. – М., 1916. – 312 с.

³ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – 304 с.

⁴ Загоровский В.П. Изюмская черта. – Воронеж, 1980. – 200 с.

⁵ Загоровский В.П. История вхождения центрального черноземья в состав Российского государства в XVI в. – Воронеж, 1991. – 270 с.

периодизация» (1969)⁶, в которых также содержатся сведения об истории строительства засечных черт.

Опыт строительства засечных линий на юго-востоке Московского государства в указанный период также описывается в работе М.Ю. Зенченко «Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства)»⁷.

Из современных исследований можно назвать диссертацию Д.А. Карпова «Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века» (2009)⁸, истории возникновения отдельных оборонительных крепостей посвящены исследования И.П. Бабина, М.М. Озерова, В.М. Сляднева⁹; А.И. Гамаюнова¹⁰ и др.

Отдельные аспекты строительства и обеспечения Белгородской черты рассмотрены в работах А.И. Вожаева¹¹, Е.И. Глазатовой, А.С. Ракитина¹² др.

Обзор источников. В качестве основных исторических источников выступили Акты Московского государства (АМГ), публикация документов по политической и военной истории России в 3-х тт.¹³.

---

⁶ Загоровский В.П. Некоторые особенности колониционного процесса южной окраины России в XVII в. и его периодизация // Из истории Воронежского края. – Вып. 3. – Воронеж, 1969. – С. 83-93.

⁷ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). – М., 2008. – 224 с.

⁸ Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – 283 с.

⁹ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 15–22.

¹⁰ Гамаюнов А.И. Лебедьянь в начале XVII в. // Исторический квартал. Иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. – Липецк, 2013. – 239 с.

¹¹ Вожаева А.И. Участие курян в строительстве Белгородской засечной черты // Курский край. – 2005. – №3-4. – С. 5-8.

¹² Глазатова Е.А., Ракитин А.С. Сокольские драгуны на Белгородской черте. Сказки о количестве поместной земли (1646 г.) // Записки Липецкого областного краеведческого общества. – Вып. 10. – Липецк, 2013. – С. 149-164.

¹³ Акты Московского государства (АМГ), публикация документов по политической и военной истории России / под ред. Н.А. Попова и Д.Я. Самоквасова: в 3-х тт. – Т. I–III – СПб., 1890 – 1901.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII век.

Географические рамки исследования охватывают территорию Белгородской засечной черты, в частности её Корочанского и Яблоновского участков.

Объект исследования – строительство Белгородской засечной черты.

Предмет исследования – Корочанский и Яблоновский участки Белгородской черты в системе обороны Русского государства в XVII веке.

Цель исследования – рассмотреть Корочанский и Яблоновский участки Белгородской черты в системе обороны Русского государства в XVII веке.

Задачи исследования:

- 1) Изучить предпосылки создания Белгородской засечной черты.
- 2) Охарактеризовать основные оборонные центры.
- 3) Изучить историю создания Корочанского участка.
- 4) Изучить историю Яблоновского участка.

Методы исследования. Комплексный характер работы предполагает использование таких общенаучных методов исследования, таких как синтез, анализ, индукция, дедукция, восхождение от конкретного к общему.

Вместе с общенаучными методами, применялись и специфические методы исторического исследования. Историко-типологический и близкий к нему сравнительно-исторический метод, помогающий раскрыть тождество и различие, понять единичное, особенное и общее однотипных и нетипичных фактов в одинаковых исторических условиях или тех же фактов в разных, но совпадающих или различных по времени условиях.

Научная новизна исследования. В работе систематизированы сведения об Корочанском и Яблоновском участках Белгородской черты в системе обороны Русского государства в XVII веке, выдвинуты предположения о местонахождении некоторых оборонительных сооружений.

Практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по истории Белгородской области.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, источников и исследования.

Во введении раскрывается актуальность выбранной темы, дается характеристика источников и литературы, определяется предмет и объект исследования, сформулированы основные цели и задачи работы, перечисляются методы, применяемые при исследовании выбранной темы.

В первой главе рассматриваются предпосылки строительства засечных черт в Московском государстве, дается характеристика основных оборонительных узлов.

Вторая глава посвящена изучению строительства Корочанского и Яблоновского участка Белгородской черты в системе обороны Русского государства в XVII веке.

В заключении подводятся итоги выпускной квалификационной работы.

Источники и исследования дают информацию по работам которые были использованы для написания работы.

ГЛАВА I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЕЛГОРОДСКОЙ ЗАСЕЧНОЙ ЧЕРТЫ

§ 1. Причины строительства

С XVI по XVIII вв. была возведена целая система засечных черт: Белгородская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Закамские засечные черты, которые должны были охранять границы Русского государства от набегов татар, а позже – башкир и ногайцев. О значимости строительства засечных черт может свидетельствовать тот факт, что, например, с третьей четверти XVI в. в податной системе Московского государства становятся заметны особые засечные деньги, собиравшиеся на расходы по укреплению черты. Кроме того, для охраны черты были поставлены специальные должностные лица (засечные приказчики, головы, сторожа...)»¹⁴

А. Яковлев дал подробные описания старинных оборонительных сооружений: «На более опасных местах черты, особенно в так называемых засечных воротах, т.е. местах пропуска населения сквозь черту, там, где она пересекала большие дороги, сооружались деревянные и земляные форты с башнями, подъемными мостами, острогами и частоколами, вооруженные, как правило, несколькими артиллерийскими орудиями, пищальми и тюфьями, с рядами надолоб, образующими как бы воронку при приближении к главному оборонительному сооружению, в которую неизбежно должна была устремляться конная атака неприятеля, встречавшая здесь обстрел дробовыми тюфьями, т.е. залпы картечи»¹⁵.

Характерно, что оборонительные сооружения в воротах были обращены обычно в обе стороны – на юг и на север, в ожидании набега татар, стремящихся к Москве или прокладывающих дорогу обратно восвояси. Засечную черту в целом можно назвать полосой отчуждения, настойчиво оберегаемой правительством от всяких посягательств со

---

¹⁴ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. – М., 1916. – С. 67.

¹⁵ Там же. – С. 73.

стороны окрестного населения. Ширина этой полосы чрезвычайно различна: от нескольких сажен там, где были только рвы и валы, небольшая рощица или болото, до 20-30 и даже больше тогдашних верст... сплошных лесов... Обычно поперечник заповедных лесов черты равнялся 2-3 верстам. Благодаря своей ширине, черта бывала не только средством обороны, но и местом убежища для населения в момент нападения врага... Помимо обязанности блюсти ненарушимость граней засек, население несло также повинность обороны засек особым ополчением в тревожное время, когда ожидалось набеги. При сборе ополчения «подымовных людей», селения, окружающие черту и отстоящие от нее не далее 25 верст, должны были выставить известное количество ратников «с вогненным боем» и для этой цели разверстывались между отдельными засеками. Разверстание засеки на звенья для организации «отвода» и обороны производилось обычно дозорщиками, посланными на засеку¹⁶.

Так, в 1640 г. стольник и воевода кн. Вас. Гр. Ромодановский занимался разверстанием селений около Каширской и Веневской засек на случай обороны черты при нападении татар. Обычный расчет состоял в требовании с 3 дворов 1 человека с пищалью с селений, расположенных не далее 15 верст, и с 5 дворов 1 человека с пищалью с селений, расположенных на расстоянии 15-25 верст от засеки. Кроме устройства охраны и защиты черты, правительство было озабочено также эксплуатацией угодий, входящих в ее пределы: оно отдавало на оброк засечные сенокосы по полянам и рыбные ловли в озерах и реках»¹⁷.

Для создания «Засечных черт» требовались грамотные люди. Нужны были специалисты – строители, плотники, кузнецы, чертежники, артиллеристы, инженеры. Возникла также необходимость детально изучать и описывать местность, где создавались оборонные сооружения, знать ее историю, климатические условия и сезонные явления. Сохранился документ

---

¹⁶ Яковлев А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. – М., 1916. – С. 67.

¹⁷ Там же. – С. 89.

первой половины XVII века об исследовании участка на подступах к Москве, для строительства укрепления. Жители Серпухова так отвечали на вопросы прибывшего по велению царя воеводе Елецкому и дьяку Теряеву: «...От усть-реки Нары, что под Серпуховым, вверх по Оке реке до Торусы и по Оке в сухменное лета мели бывают супротив устья реки Поротвы и под Шковом... А на колких саженьях и верстах те мели, тово не ведоём. А как приход крымским людем, через Оку реку татарове перелазет вплынь во многих местех. А прошлых летех для береженья татарскова перелазу по Оке реке в воде у берега были сваи биты с московские стороны. А на колко те сваи сажен поперек биты, и мы тово не упомним, заволокло полою водою илом. А слухом мы слышали от дедов своих и от отцов, что те сваи были биты по Оке реке до московскова старова пожару блаженные памяти при государи царе и великом князи Иване Васильевиче всея Руси от Серпухова вверх по Оке реке да Калуги... А признака и ныне том сваём выше реки Нары есть против деревни Дракинай. А как приходил крымский царь под Москву блаженные памети при государи царе и великом князи Федоре Ивановиче всея Руси, и лезли Оку реку тотарове под Серпуховам и под Дракинам и под Тарусою во многих местах вплынь. ... при государи царе и великом князи Михаиле Федоровиче всея Руси, как приходил крымский царевич, и крымские татарове Оку реку лезли в болшую дождевую воду под Серпуховым и под Дракиным и под Тарусою во многих же местах, а Ока реке в те поры из берегов вылилась, мелей и бродов выше Серпухова не было. И в прошлых же летех иные какие крепости для береженья от татарскова перелазу учинены были ль и в которых местах от Серпухова да Тарусы по Оке реке и на колких саженьях и верстах, и ныне в тех местех вцеле какие крепости есть ли, и мы таго не ведоём и от отцов своих не слышали, опроче тех свай, что биты были на Оке реке в воде у берега, что под Дракиным. А в которых местех наперед сево крепостей не было, и в тех местех какие крепости где вновь учинить мочно ли, сваи ли в воде по Оке реке у берега побить или надолбы поставить или иные какие крепости

поделоть, чтобы татарове Оки реки в тех местех не перелазили, - тово мы не ведоём и месте не знаем...»¹⁸

В 1635-1653 годах была появилась Белгородская Засечная черта длиной в 798 километров, а ее продолжением стала Тамбовская Засечная черта. Спустя несколько лет были возведены Симбирская и Закамская засечные черты. Во второй половине XVII века общая протяженность этих оборонительных сооружений в России достигала примерно 1500-1800 километров.

В 1636 году белгородский воевода Афанасий Тургенев писал государю Михаилу Федоровичу о "татарском перелазе" в урочище Валки на Муравском шляху: "...а те де Валки, ученены изстари, в крепких местах веден насыпной вал чрез Шлях от лесу до лесу, а леса де пришли ровни, большие, и меж-де тех лесов насыпной вал 3 версты... Опричь-де того урочища мимо Валок татарского проходу Муравским шляхом иного места нет, и белгородские станичники ездят к урочищу мимо-де тех Валок, а иной-де дороги Муравским шляхом мимо тех Валок нет..." Лишь в начале XVIII столетия оборонное значение этих сооружений утратило значение. Границы Российского государства расширились. «Засечные черты» в некоторых районах стали разрушаться и теряться в лесах. Известный государственный деятель и историк Василий Никитич Татищев во времена правления императрицы Елизаветы, рассматривая какое-то земляное возвышение, отмечал: «Была ли это природная гора или же вал, насыпанный для того, чтобы препятствовать вторжениям степных народов, неизвестно...»¹⁹

Одним из основных таких укреплений и становится Белгород. Белгород основан в 1596 году по указу царя Федора Иоанновича, как форпост и мощная пограничная крепость. Некоторые историки даже приводят точную дату основания – 11 сентября, однако остальные склонны датировать основание города как «осень 1596 года». Набеги крымских татар на Русь

---

¹⁸ Цит. По Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). – М., 2008. – С. 98.

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. В трех томах. – М., 2005. – С. 165.

принимали ежегодное масштабное действие. Три самых основных пути набега – Муравский, Изюмский и Кальмиусский шляхи пролегали по территории нынешней Белгородской области. Во время «Смутного времени» (1605-1618 гг.) Крымское ханство и Ногайская орда возобновили свои опустошительные набеги на русские земли. В 1607-1608 годах ногайцы разорили и сожгли многие «украинные и северские» города. Численность противника доходила до 100 тысяч человек. Немногочисленные русские сторожевые заставы на границе не могли оказать действенное сопротивление огромной массе степной конницы. Кочевники жгли городки, сёла и посады, уничтожая и забирая в плен местных жителей²⁰.

В 1635-1658 годах для защиты русских земель от набегов крымских татар была сооружена сплошная линия военных оборонительных укреплений – Белгородская засечная черта. Белгородская засечная (защитная) черта – укрепленная линия (засечная черта) на южных рубежах Русского царства, создана в середине XVII века. Служила для защиты от набегов крымских татар, ногайцев, литовцев, черкас. В комплекс сооружений засечной черты входили остроги (города-крепости), различные инженерные сооружения, естественные природные препятствия (болота, леса, реки).

Административное и военное управление оборонительной линией располагалось в Белгороде. Эта черта протянулась на 800 километров по территории нынешних пяти областей: Сумской, Белгородской, Липецкой, Воронежской и Тамбовской. Собственно, с развитием Засечной черты и связана большая часть современной истории заселения Белгородчины. Черта представляла собой насыпной земляной вал, в самых ключевых местах которого устраивались города-крепости, подобные Белгороду. Так были основаны Хотмыжск, Карпов, Болховец, Нежегольск, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд и Причины создания засечных черт. Засечные черты создавались для отражения систематических нападений

---

²⁰ Трепавлов В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XVI – XVII в. – М., 2014. – С. 76.

народов: крымских татар, ногайцев, а также, эпизодически, запорожских и донских казаков²¹.

Нападения совершались: для захвата пленных с целью их перепродажи в рабство (в 1-й половине XVII в. до 200 000 человек); для захвата иной добычи; для выполнения внешнеполитических обязательств перед союзниками – Польшей или Турцией. В то же время засечные черты играли роль не только оборонительных комплексов, но и плацдармов для наступательных действий русских войск. Засечные черты – система оборонительных сооружений на юге и юго-востоке России (эпизодически на западе и северо-западе), не всегда совпадавшая с государственными границами и эшелонированно (от двух до четырех рядов укреплений) прикрывавшая южные подходы к Москве и к другим крупным городам. Они состояли из лесных завалов-засек, которые чередовались с частоколами, надолбами, земляными валами, рвами и волчьими ямами.

В стратегически важных пунктах (на дорогах, водоразделах и т.д.) сооружались города-крепости и форты («остроги») с гарнизонами и артиллерией. В 1618 – 1700 гг. создание глубоко эшелонированной обороны юга России при помощи засечных черт позволило отразить нападения кочевников и полностью обезопасить от них центральные регионы страны. Опираясь на систему оборонительных сооружений, русские войска смогли развернуть крупномасштабное наступление на многие сотни километров степных пространств, что, в свою очередь, подготовило присоединение к России Северного Причерноморья и Северного Кавказа. На заселение края в XVI – первой половине XVII вв. большое влияние оказало запорожское казачество. Его походы на Крым, нападения на города Черноморского побережья и даже на столицу Османской империи – Стамбул – побудили Турцию перекрыть устье Днепра и блокировать выход запорожских чаек в

---

²¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 50.

Чёрное море. Царским правительством также переселялись сюда в немалом количестве т.н. служилые люди и однодворцы²²

Служилые люди – в России XIV–XVIII веков общее название лиц, обязанных нести военную или административную службу в пользу государства. Служба в основном передавалась от отца к сыну. К этой категории относились бояре, окольные, стольники, дети боярские, мурзы и служилые татары, литва дворовая, севрюки, дворяне, думные дьяки, белопоместные казаки. Они считались привилегированным сословием, владели землёй и крестьянами. За службу получали денежное или поместное жалование, титулы и другие вознаграждения. Однодворцы – особый класс военных земледельцев, живших на окраинах Московии и обязанных нести охрану пограничья. Правительство давало однодворцам небольшой земельный участок и одну семью (двор) крепостных крестьян для его обработки. Право владеть крепостными однодворцы сохраняли до 1840 г. В актах XVI–XVII ст. встречаются и казаки-однодворцы с московских окраин. Впоследствии многие из них перечислены в одно из Казачьих Войск или переселены на Кавказскую Линию²³.

§ 2. Характеристика основных пунктов их функционирования

В числе первых городов Белгородской засечной черты, на строительство и временную службу в который были направлены стрельцы и казаки, был Усерд. Крепость Усерд была возведена по решению правительства на одноименном городище на р. Тихая Сосна в 1637 г. Решение о ее строительстве было принято по предложению служилых людей

---

²² Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – С. 20.

²³ Лаптева Т. А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII в. (поверстанье в дети боярские представителей других сословий). // Отечественная история. – 2003. – №5. – С. 81.

разных городов «от приходу воинских людей поставить острог на Калмиюской сакме» для обороны территории Оскольского, Белгородского и Курского уездов от ногайских и крымских татар. Осмотр места будущей крепости происходил под руководством сына воеводы Старого Оскола Панкрата Пущина вместе с головой ратных людей Яковом Левыкиным и казачьим атаманом Иваном Орефьевым. Они заключили, что место для острога вполне подходящее, достаточное чтобы устроить служилых людей землями и угодыми тысячу человек²⁴.

Город должен был стать центром нового укрепленного участка протяженностью от Валуйского леса возле устья р. Усерд на восток по р. Тихая Сосна. Построить крепость и усилить её оборону предполагалось путем привлечения ратных людей разных южнорусских городов. Приказным порядком в Усерд переселяли казаков из Черни, Пронска, Дедилова, Курска, Оскола; стрельцов из Одоева, Печерников, Белева, Белгорода и Ливен. В крепость также были сведены стрельцы из Калуги, Козельска, Карачева, Брянска, Крапивны, Михайлова, Тулы, Дедилова, Лихвина, Перемышля, Белева, Каширы, Венева, Епифани, Гремячева, Печерников, Ельца, Ливен, Новосия, Одоева, Черни, Кром, Курска, Оскола, Алексина, Зарайска, Севска (41 человек), Болхова, Белгорода (всего 884 человека). Существенным подспорьем в строительстве города были временно служившие полковые казаки из Карачева, Крапивны, Михайлова, Дедилова, Белева, Венева, Гремячева, Печерников, Ельца, Ливен, Новосия, Кром, Курска, Оскола, Севска, Болхова, Смоленска, Мещовска и Шацка (всего 606 человек)²⁵

Постройка города началась 9 апреля 1637 г. с возведения крепостных стен. Служилые люди свозили лес к нижнему Усердскому городищу. К 1 мая стрельцами и казаками было свезено 10520 дубовых бревен длиной по 3,5-4

---

²⁴ Ляпин Д. А. Южнорусское пограничье в 1640-х-1650-х гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 3. – С. 58.

²⁵ Лимаров А.И., Сапелин Р.А. Списки присягнувших из крестоприводной книги города Белгорода и уезда царю Алексею Михайловичу в 1645 г. Источники по генеалогии жителей Белгородской черты. – Вып. 1. – Белгород, 2008. – С. 80.

сажени и толщиной от 5 до 8 вершков. Одновременно велось строительство стоялых Осинового и Раздорского острожков на татарских перелазах³¹⁶. Судя по отписке Ивана Бутурлина и Саввы Нарбекова, в остроге имелись 6 глухих башен и проезжие ворота. Протяженность городской стены составляла 361 сажень с «полусаженью», высота стены до обламов – 2,5 сажени. Под зелейную (пороховую) казну был устроен дубовой погреб, периметром в 4 сажени, под хлебные запасы – амбар, периметром в 8 сажень. На случай осадного времени был сделан тайник. Полевые укрепления Усерда представляли собой надолбы «в три кобылины» на подступах к городу «для береженья конских стад и сенных покосов» и засеку от р. Сосны до Сосенского лесу «дубом и липягом большим деревьем верст с пять до Сосенского острогу»²⁶.

Непосредственно по возведении городских укреплений была организована станичная служба. «Ежеден переменяясь», усердские станичники ездили вниз по р. Сосне до устья, к Раздорскому и Осиновому острожкам, «до Филькина плеса и до Жестовых гор».

В начале 1640 гг. русское правительство решило перекрыть маршруты движения крымских и ногайских татар на Рыльский и Путивльский уезды путем строительства новых крепостей и острожков между р. Ворскла и Муравским шляхом на юго-западе Белгородской черты. Дабы «ту новую сакму от татар отнять и украинные северские города от татарские войны уберечь», с 1639 г., государство приступило к проектам строительства городов и острожков в местности с наличием необходимых для обороны естественных преград – рек, урочищ, возвышенностей (городищ, курганов). Наиболее подходящими местами для перехвата Муравского шляха были Хотмыжское («Макарово тож») городище и Вольный курган, расположенные в Путивльском уезде. Это подтвердили при опросе служилые люди и бортники из Курска, Рыльска и Путивля, имевшие здесь свои промысловые пай.

---

²⁶ Миклашевский И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Заселение и сельское хозяйство южных окраин XVII в. – М., 2013. – С. 90.

Поначалу было решено возвести город, способный перехватить главное направление продвижения татар на северские земли. Путивльский воевода Григорий Пушкин отмечал, что без постройки нового города Рыльскому, Путивльскому и Курскому уездам, а также Комарицкой волости «от приходу крымцев и нагайцев будет поруха большая, убережи не мошно». Выбор строительства крепости стоял между урочищами Хотмыжское городище, Вольный курган и Карпово Сторожевье.

Наиболее удачным местом было Хотмыжское городище, которое располагалось между Муравским и Бакаевым шляхами. Здесь, «перелезши» р. Ворсклу, татары шли вверх по течению до впадения в неё р. Ворсклицы и, пройдя Хотмыжское городище, выходили с Муравского на Бакаев шлях. Между тем, Г. Пушкин считал, что на Хотмыжском городище следовало поставить крепость, на Вольном кургане – стоялый острог. Карпово сторожевье рассмотрению не подлежало²⁷. Однако в ход строительства крепости вмешалось обстоятельство. В августе 1639 г. два небольших татарских отряда форсировали р. Ворскла и устремились вглубь российской территории. Первый перешел Ворсклу близ Вольного кургана, второй – неподалеку от Хотмыжского городища. Это показало, что для основательного перехвата Муравского шляха требовалась постройка не одной, а сразу двух крепостей – на Вольном кургане и городище Хотмышль. Досмотр мест будущих крепостей велся детьми боярскими из Белгорода, Путивля и Рыльска. Крепость Хотмышль было решено возвести на месте «Хотмыцкого де городища на реке на Ворскле ниже Карпова сторожевья верст з дватцать. Городище де не сама велика (не очень большое) да крепка, над рекою Ворсклою вошло клином. Да перекопан ров глыбокой сажень с 10 глубина и больши. А стоит в лесу...». При досмотре служилые люди обнаружили предполагаемое место бывшего хотмыжского посада: «где был

---

²⁷ Папков А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. – Белгород, 2004. С. 45.

посад, лесу нет»²⁸. Осмотрели окрестные угодья – подходили ли они для устройства «на житье» служилых людей с семьями численностью 1000 человек. Выяснилось, что «около посаду пашень [пашням] большим быть мочна», а на реках Локна и Ворскла можно построить мельницы²⁹.

По завершении осмотра дети боярские заключили, что Хотмыжскому городу суждено быть: «а на Хотмыцком де городище мочно быть жилому городу, потому что к тому городищу есть пашенные поля и сенные покосы и хоромный дровяной лес и всякие угодья». Однако чертежа Хотмыжского городища составлено не было. Белгородский воевода Афанасий Тургенев, побывавший на Карповом сторожевые и в Хотмышле, рапортовал в Разрядный приказ, что «Хатмыцкого городища на чертеж не начертил, потому что [его] обвели белгородские обротчики для своих бортных ухажьев». В 10 верстах к юго-западу от Хотмыжского городища находился Вольный курган и представлял собой урочище – объект в зоне промысловой деятельности посадских людей Путивля и Рыльска. На этом месте было решено возвести другой город-крепость – Вольный.

К месту постройки двух новых городов на р. Ворскла были сведены 1070 ратных людей из разных украинских городов, среди которых: дворяне и дети боярские из Тулы, Рязани, Курска, Стародуба, Белева, Рославля; беломестные, кормовые и полковые казаки из Рыльска, Путивля, Белгорода и Севска; стрельцы из Севска и Москвы, пушкарки и кузнецы с прочих городов. Прибор служилого населения в штат гарнизонов Вольного и Хотмыжска проходил без особых затруднений. Постепенно из курян, путивльцев и рылянь, происходивших из кормовых и полковых казаков, детей боярских и вольных «гуляющих» людей, начала формироваться корпорация «служилого города» Хотмыжска.

---

²⁸ Проторчина В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI – первой половине XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Л., 1948. – С.102.

²⁹ Рощупкин А.Ю. Из истории колонизации Юга России в конце XVI в. (набор казаков в Елец) // Сборник научных работ студентов исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. – Вып.6. – Елец, 2007. – С. 13.

Строительство новых городов проходило под руководством воевод Василия Толстого и Гаврилы Бакина (Бокина). Крепости были возведены в рекордно короткие сроки: Хотмыжск с 17 мая по 28 июня,³⁰ Вольный – с 24 мая по 12 июля. Одновременно с ними возводились стоялые остроги Углицкий и Лосицкий, остроги на Пробойной горе (в Колотом лесу) и на Раковых горах. За успешное выполнение задачи Г. Бакин получил 20 рублей положенного государева жалования, а В. Толстой – денежное жалование, «ковши и соболи»³⁰.

В разгар строительства в окрестностях новых городков не замедлили появиться крымские татары. В конце мая 1640 г. ратные люди, находившиеся на сторожах и заставах Хотмыжска, заметили татарский отряд «человек 300 и больше», который вел полон из промышлявших в угодьях близ Ворсклы служилых людей севрюков. Настигнув татар, «хотмышеня» вступили с неприятелем в бой. Татарский отряд протерпел поражение и отступил к Бакаеву шляху, дабы далее ступить «через реку Псел изгоном в рыльские, и в курские, и в орловские, и в кромские, и в камаритцкие места». Заметив, что на Хотмыжском городище ратные люди строят город, а заставы и перелазы перекрыты, татары повернули на Муравский шлях и отошли под Валки, в пределы современной Харьковской области Украины³¹.

В последующие годы по завершении строительства крепостей шло активное комплектование их гарнизонов. В 1640-1641 гг. в сообщество служилых людей Хотмыжска активно набирались вольные охочие люди. К 1641 г. общая численность хотмыжского гарнизона составила 243 сына боярских (без ружья), 400 конных казаков (из них 209 с казенными пищалями, полученными в Хотмыжске; 5 человек с пищалями, что дали «в городех» (откуда вышли) и 186 со своими пищалями), 134 стрельца (из них 126 с казенными пищалями, выданными в Хотмыжске; 8 с пищалями, что

---

³⁰ Рощупкин А.Ю. Из истории колонизации Юга России в конце XVI в. (набор казаков в Елец) // Сборник научных работ студентов исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. – Вып.6. – Елец, 2007. – С. 14.

³¹ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами. – М.-Л., 1948. – С. 165.

даны «в городех»), 23 пушкаря и один казенный кузнец. Значительную долю прибывших в Хотмыжск «охотников» составляли «гулящие люди», о происхождении которых можно судить с их же собственных слов. Среди них в документах упоминается один терский казак – десятник Ивашка Терский, а также три путивльца – Афанасий Седой, Василий Мухацкий и Василий Кривой, которые заявили, что в Путивль пришли из Козельского уезда (села Субботники), где прежде жили «во крестьянх» за Григорием Горихвостовым³².

Приходили также монастырские крестьяне Никольского и Дмитриевского монастырей Рыльского уезда, Богородицкого монастыря Путивльского уезда, которые прежде жили на оброчной земле, будучи вольными людьми. Были и представители посадских людей. К примеру, путивльский посадский Еремей Выходцов стал служилым человеком. Несколько пришедших новоприборных служилых являлись оброчными людьми монастырей юга России: десятник Григорий Денисов сын Буренин, жил в Путивле на оброчной церковной земле за соборным попом Юрием Почесеевым; Тимофей Готовицкий жил в Путивле за Пятницким попом; Семен Зубов жил в Курске за Богородицким монастырем.

Гарнизон города-крепости Вольный формировался из разнообразных представителей служилого сообщества XVII в. – детей боярских, казаков, стрельцов, пушкарей, воротников из Стародуба, Путивля, Курска, Рыльска, Севска (с Комарицкой волостью), Брянска, Москвы, Смоленского уезда, Белгорода, Новосиля, Ливен, Новгород-Северского, Мценска, Кром, [Старого] Оскола, Трубчевска и Орла, а также крестьянского населения. Прибором охочих людей в Вольный занимались воеводы Афанасий Толочанов и Гаврила Бакин. Грамотой Разрядного приказа им поручалось набирать «вольных людей, которые в городех в службах и на тегле за

---

³² Рощупкин А.Ю. «Государево слово» и служилые казаки южных уездов Российского государства во второй четверти XVII в. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Вып. 3. – Воронеж, 2011. – С. 79.

помещики и за вотчинники на пашнях не были и по крепостям ни у ково не служили». О составе населения нового города можно судить по раздаточным книгам государева жалования служилым людям Вольного 1640 – 1642 гг.³³⁶ В книгах указывалось происхождение «новоприборного» служилого (а так же его отца или деда) из определенной местности³³.

Вольновские казаки служили конную службу на мерилах с государевым карабином и саблею, стрельцы – пешими, либо с пищалями, либо с карабинами. К 50-м гг. XVII века численность вольновских казаков существенно снизилась: с 300 до 250 человек: «а иные казаки с Вольного збежали и померли, а иные на боях побиты, а иные розданы во крестьянстве и холопстве».

Карпов возник в середине 1640-х гг. на территории Рыльского уезда. Местность, называемая «Карпово сторожевье», впервые упоминается в документах в Уставе станичной и сторожевой службы 1571 г., учрежденном кн. Михаилом Воротынским, где указывалось: «от Рылска новою дорогою на Карпово сторожевище переехати Муравской шлях»³⁴¹. В Уставе дается подробное описание и места «Карпово сторожевье»: «А Карпово сторожевье место высоко пришла гора клином, а стоит на реке на Ворскле. А от Ворскла [Ворсклы] к Муравской дороге пришло поле чистое, а поперег его до Муравской дороги версты с три и по речкам по Ворсклу и по Везенице против Карпова сторожевья крымской царь и большие люди идучи ставятца на станех. А с Карпова сторожевья то видит как они [татары] идут и как на Ворскле на станех станут». Далее следует примечание: «А за речку за Ворскол царь и большие люди не хаживали для того что по Ворсклу по обе стороны Карпова сторожевья пришли леса большие и ржавцы и болота есть и на Крымсково царя и на людей мочно приходить на походе или на станех из за Ворскла из лесов и из крепостей а опричь Муравской дороги меж Донца и

---

³³ Рощупкин А.Ю. Служилый человек южного пограничья России в конце XVI в.// Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Воронеж, 2009. – С. 103.

Ворскла обходу царю крымскому и большим людям иной дороги нет опричь Изюмской и Калмиусской дороги³⁴.

Судя по описанию, в конце XVI в. данному месту придавалось серьезное стратегическое значение. Оно представляло собой открытый участок, способствовавший проникновению татар на территорию Курского, Путивльского и Рыльского уездов, а также Комарицкую волость и «иные северские места»³⁵.

В 40-х гг. XVII в. русское правительство приняло решение укрепить Карпово сторожевое. В связи с этим решением путивльский воевода Григорий Пушкин провел опрос детей боярских путивльцев, черниговцев и людей прочих чинов, включая бортников, которые бывали на местности и знали татарские перелазы с Муравского на Бакаев шлях. Дети боярские были направлены на «Карпово сторожевое» для досмотра мест, подходящих для возведения укреплений, после чего заключили, что там «городища нет, только, де, один перекоп по ровному месту». Так в 1644 г. на пересечении Муравского шляха и посольской дороги от Путивля к Северскому Донцу был построен деревянный стоялый острог. Однако служилые люди, бывавшие на стороже между реками Псел и Пена «от Байковых гор» (в окрестностях «Карпова сторожевья») предлагали упразднить крепость, т.к. крымские и ногайские татары ее «во многих местех обходят»³⁶. В 1646 г. Карпов острог был включен в систему укреплений возводившейся Белгородской засечной черты. Тем не менее, крепость не могла вместить достаточное для обороны участка количество служилых людей. При обследовании острога выяснилось, что передняя и задняя стены его «мерюю» по сто сажень, «длинным сторонним стенам» (боковым) - по 155. Периметр острога составлял 510 сажень. «И тот острог и худ и низок. И в

---

³⁴ Фоминов А.В. Пограничный город в периоды крестьянско-казацких восстаний и социальных протестов: от Смуты до Булавинского бунта. // Белгородский краеведческий сборник. – Вып. 10. – Белгород, 2013. – С. 4

³⁵ Ляпин Д.А. Колонизация Юга России переселенцами с Малоросии в середине XVII века // История в подробностях. – 2013. – № 10 (40). – С. 84.

³⁶ Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI - середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. С. 60.

том остроге твоих государевым жилецким людям в приход воинских людей изместитца будет негде» - писали в Разрядный приказ курские воеводы Василий Шереметев и Андрей Плещеев³⁷.

Летом того же года правительство решило перестроить острог. 10 июля 1646 г. белгородскому воеводе Никите Ивановичу Одоевскому «со товарищи» государевым указом было поручено «от приходу воинских людей» укрепить городок на «Карповом сторожевье», устроить там же земляной вал с острожками и башни «со всякими крепостями»³⁴⁶. 28 августа служилыми людьми начался вывоз леса к «городовому строению»³⁴⁷. Гарнизон новой крепости комплектовался из казаков, стрельцов, пушкарей, драгун и воротников из Мценска, Печерников (рязанский пригород), Ряжска, Данкова, Сапожка, Михайлова, Курска, Орла, Ельца, Лебедяни и Ливен. В Карпов также были переселены ратные люди из Комарицкой волости³⁸.

Добровольцам обещали выдать на переселение по 2 рубля на человека. Однако денежных средств на всех переселенцев не хватало, некоторые крестьяне начали отказываться от переезда в Карпов. Во избежание побегов Телегин пообещал комаричанам скорую выплату (уже в самом Карпове) денег, которые «пришлют с Москвы», под поручные записи (расписки) «им жить и никуда не збежать и государю не изменяли». «Пересмотря» всех прибранных крестьян «на лицо», вооружив каждого пищалью с порохом и свинцом, 14 августа Телегин выступил с комаричанами к «Карпову сторожевью», передвигаясь к месту назначения с «великим береженьем, разведывая вестей про татар и черкас», чтобы не подвергнуться внезапному нападению³⁹.

---

³⁷ Зенченко М.Ю. Южные уезды России в конце XVI - первой четверти XVII века: Формирование административно-территориального устройства: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2005. – С. 43.

³⁸ Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII - начале XVIII вв. На материалах Центрального Черноземья: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2003. – С. 19.

³⁹ Волков В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2005. – С. 76.

Решено было, несмотря на большие затраты, построить новый город-крепость Белгородской черты был Нежегольск, ставший центром Нежегольского оборонительного участка. Специально для нескольких сел, вышедших за пределы уже существующих оборонительных сооружений, решением воеводы Бутурлина приказано было продлить до Нежегольского леса и поставить отдельную земляную крепость.

В 1654 году строительство новой крепости Нежегольска было завершено. Встал он на правом высоком берегу реки Нежеголь и был «земляной», то есть возведен из земли, немногочисленных камней и дерева. И до сих пор на плоской площадке холма можно отыскать ямы для бревен: из них были поставлены деревянные стены. С внутренней стороны вдоль стены устраивались мостки. Бойницы располагались в два ряда: из верхних бойниц вели огонь стрелки, находившиеся на мостках, из нижних – стоявшие на земле. Также по периметру площадки на меловом холме у села Нежеголь еще возможно рассмотреть места башенных сооружений, ведь крепость имела 4 глухих и 2 проезжие башни.

Башни строились методом сруба и в плане представляли собой квадрат. Их высота составляла в среднем 15 – 20 метров. Была и еще одна башня – Тайницкая. Оттуда же специальной трубой производилась закачка воды из реки. Хорошо просматриваются остатки рва – он был вырыт вокруг всей стены и башен, шириной около 6 метров. Внутри города были построены церковь Святого Покрова, воеводский двор, приказная изба, казенный погреб, государевы житницы, тюрьма с острогом, Пушкарская слобода⁴⁰.

Населяли Нежегольск стрельцы, служилые люди, со своими «женками», пушкарки, казаки, помещная конница. Постепенно вокруг Нежегольска сформировался Нежегольский уезд с небольшими селами и слободками. Во времена Петра Первого часть стрельцов ушли на строительство флота в Воронеж, оставив лишь небольшой крепостной гарнизон.

---

⁴⁰ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 154.

Одно из первых упоминаний о месте, где ныне стоит Обоянь, содержится в отказной грамоте царя Михаила Федоровича от 30 июня 1636 г., выданной по челобитной курских детей боярских Гаврилы Малышева и Федосея Малютина, которые просили у государя пожаловать им землю, расположенную на Обоянской пустоши. Из этого документа следует, что на пустоши в то время находились два городища 4 и два селища при них. В устье речки Обояни, как раньше называли современную речку Обоянку, существовали два мельничных пруда. Далее от Обоянской пустоши вниз по реке Пслу до устья речки Трубеж лежали дикие (необработанные) поля и дубравы. Следующее упоминание об Обоянском городище встречается в челобитной 1638 г. служилых людей, державших разъезды между Курском и Белгородом, которые обратились к царю с просьбой о строительстве жилого города на Обоянском городище. В ответ на их просьбу государь распорядился послать на Обоянское городище небольшой отряд с тем, чтобы осмотреть его и нанести на чертеж⁴¹.

В 1639 г. чертеж был составлен. Он числится в описи 1668 г. архива Разрядного приказа 6. Этот документ, который, вероятно, был выполнен по указу царя известным в то время картографом Афанасием Мезенцевым, до наших дней, к сожалению, не сохранился. Спустя девять лет, уже в царствование царя Алексея Михайловича, летом 1647 г. на берег Псла был снаряжен конный воинский отряд численностью в 50 человек, сопровождавший стольника Ивана Васильевича Бутурлина и подьячего Власа Андриянова. Отряд провел повторный осмотр и сделал обмеры на месте всех ранее существовавших древних городищ. При этом обследовано было не только Обоянское, но и Гочевское и другие близлежащие городища. По результатам экспедиции был сделан чертеж, также не дошедший до нашего времени⁴².

---

⁴¹ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 15.

⁴² Там же. – С. 16.

На выполнение этой задачи ушло три месяца. 7 сентября 7156 (1647) г. Бутурлиным в Разрядный приказ была подана роспись городищам, в которой содержится подробное описание Обоянского го родища и его окрестностей, лежащих вверх и вниз по течению Псла, а также описания других городищ. Из росписи следовало, что местность в устье речки Обоянки была заселена еще в незапамятные времена. Через Боянский холм к тому времени уже проходила дорога из Курска в Белгород, а рядом, на небольшом удалении друг от друга, размещались два небольших заброшенных городища. Первое описанное Бутурлиным городище находилось на крутом «самородном» холме недалеко от места впадения в Псел речки Обоянки. Оно имело треугольную форму («в три стены»): со стороны Псла — 41,61 м, Обоянки — 29,87 м, Белгородской дороги — 70,41 м. По своему периметру городище было сравнительно небольшим — всего около 141,89 м⁴³.

За Большим (Боянским) буераком располагалось еще одно городище. Оно имело четырехугольную форму и в периметре составляло около 140,58 м. Сравнительный анализ самых перспективных для возведения острога Гочевского и Обоянского городищ, который провел Бутурлин после завершения обмеров, был не в пользу первого: «за Рыбницею городище словет Гочевское... и то городище и около ево заросло лесом большим, а до реки до Псла то городище верст з две. А Гочевской Колодезь течет из гор, невелик. А опроче Гочевского Колодезя вод иных нет». Относительно же Обоянского городища Бутурлин с Андрияновым сделали другой вывод: «А Обоянское городище от приходу крымских и нагайских людей крепко и усторожливо. А служилых людей на том городище мочно устроить 1000 человек з женами, под городищем устроить 500 человек подле реку Обоян, з другой стороны реки Обояни 500 человек»⁴⁴.

Необходимо отметить, что именно по чертежу, составленному в ходе экспедиции 1647 г., и был вскоре возведен город-крепость Обоянь: «по

---

⁴³ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. — 2011. — № 5. — С. 17.

⁴⁴ Там же. — С. 18.

чертежу Ивана Бутурлина, по тому, что наперед сево посылан был на Обоянское. Иван Бутурлин смотрел, где быти городу, и слободам, и всяким ратным людям, и что к тому городу земель, и сенных покосов, и всяких угодей».

26 февраля 1649 г. царь Алексей Михайлович послал в Карпов воеводе стольнику Автомену Ивановичу Еропкину указ об устройстве жилого острога на Обоянском городище: «велено на Обоянском городище поставити острог и детей боярских, курчан и орлян, около острогу поселити». Строительство острога было поручено карповцу Андрею Покушелову (Покушалову). Он был известен тем, что в 1646 г. в качестве выборного атамана вольных людей северских городов привел в Воронеж тысячу добровольцев из Курска, Рыльска, Севска и Путивля, вызвавшихся идти служить на Дон.

Не позднее июля 1648 г. Покушелов возвратился с Дона после неудачно закончившегося похода и с этого времени служил на Карповом сторожевье, рассчитывая, вероятно, получить место стрелецкого и казачьего головы. Надо полагать, что царь помнил и ценил организаторские способности Покушелова, коль вспомнил о нем и поручил строить новый город на южных границах⁴⁵.

Однако затем Алексей Михайлович неожиданно изменил свое решение. Вероятно, до него дошли сведения о том, что бывший атаман Покушелов арестован и помещен в белгородскую тюрьму, в которой велось дознание с целью выяснить степень его участия в волнениях, прокатившихся в то время по южным окраинам Московского государства и ставшими отголосками соляного бунта 1648 г.

5 июля 1649 г. был издан царский указ, согласно которому возведение жилого острога на Обоянском городище возлагалось на опытного, хорошо знавшего «городовое дело», и главное, надежного воеводу Ивана Никитича

---

⁴⁵ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 19.

Колтовского. Получив в Москве новое назначение, чертежи и инструкции по строительству крепости, Колтовский немедленно поспешил в Курск. Здесь было определено место общего сбора детей боярских из числа курских и орловских сведенцев, а также отрядов стрельцов из различных замосковных городов, которым «было велено служить государеву службу на Обоянском»⁴⁶.

Строительство любого нового города требовало больших материальных затрат и ложилось тяжелым бременем на уже существующие города, которые должны были отряжать на «городовое дело» часть своих и без того немногочисленных жителей, а также выделять лошадей и подводы. По царскому указу будущие жители Обояни выбирались «на вечное житье» из курских и орловских сведенцев, большинство из которых за год или за два до описываемых событий были посланы на государеву службу в Карпово сторожевье. Только очень небольшое число служилых людей приходило на службу добровольцами, «охочими людьми», которых верстали на службу в Москве в Разрядном приказе. Заселение новых городов по Белгородской черте осуществлялось обычно следующим образом. Воеводам городов, из которых необходимо было выбрать служилых людей для строительства и заселения нового города, из Разрядного приказа высылались царские указы об организации смотра служилых людей⁴⁷.

Смысл смотра заключался в необходимости выбора самых достойных, «лутчих» людей, способных поселиться на новых землях, возделывать их и защищать от набегов крымских татар и черкас, как тогда называли украинцев. Выбор кандидатов на переселение основывался на нескольких критериях. Во-первых, ими могли быть только семейные люди, имеющие сыновей, а также многочисленную родню, состоящую из братьев, племянников и зятьев.

---

⁴⁶ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 19.

⁴⁷ Там же. – С. 20

Во-вторых, будущие переселенцы должны были занимать определенное социальное положение: служить в детях боярских или казаках. В-третьих, учитывалось стабильное материальное положение переселенцев: они набирались из числа «прожиточных» людей. В-четвертых, переселенцы должны были обладать определенными трудовыми навыками: уметь пахать землю и воздвигать строения. Первыми для строительства города переезжали отцы семейств со старшими сыновьями, а затем, обычно по первому зимнему пути, на новое место перебирались оставшиеся члены семей на лошадях, запряженных санями, со всеми своими пожитками, хлебными запасами, скотом и др.⁴⁸.

По-другому обстояло дело со стрельцами. Их не выбирали, а в приказном порядке посылали к новому месту службы. Стрельцы прекрасно знали, что направляют их на короткое время, только для строительства острога, по завершению которого они будут сразу же отпущены по домам. Охрана будущего Обоянского острога версталась из стрельцов нескольких городов. Всего по царскому указу воеводам было велено собрать и направить 205 стрельцов, в том числе из Калуги — 100 чел., из Тулы — 40 чел., из Одоева — 20 чел., из Алексина, Белева и Мценска — по 15 чел.⁴⁹.

В походы стрельцы собирались основательно, со знанием дела. Так из черновика царского указа, а также отписки одоевского воеводы Ю. Барятинского известно, что «для городского дела велено стрельцам взять с собой топоры, и пилки, и заступы. Да велено дать этим стрельцам из государевой казны для польского проезду и для государевой службы по фунту зелья, по фунту свинца на человека». Правда, довольно часто ратным людям нужные запасы выдавались не все и не в указанном количестве. Для доставки стрельцов к месту их будущей службы специальным указом

---

⁴⁸ Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII - начале XVIII вв. На материалах Центрального Черноземья: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. — Воронеж, 2003. — С. 89.

⁴⁹ Вожаева А.И. Участие курян в строительстве Белгородской засечной черты // Курский край. — 2005. — №3-4. — С. 5

выделялись драгунские лошади и подводы, обычно по одной лошади на двух стрельцов. Для калужских стрельцов, посланных на строительство Обояни, было направлено 50 лошадей из серпуховских монастырей, для тульских — 20 лошадей, «которые были на корму в Переславль-Рязанском монастыре». Одоевским стрельцам предназначалось десять лошадей, мценским, белевским и алексинским — по семь⁵⁰.

В Курск Колтовский прибыл 27 июля 1649 г. с небольшим отрядом, поверстанным в Москве. К месту сбора для будущей Обоянской крепости были доставлены полученные по наряду пять пищалей, 500 железных ядер к ним, 50 пудов ружейного пороха, 20 пудов пушечного пороха, 60 пудов свинца и вестовой колокол весом 16 пудов. Кроме этого, воевода получил пять замков к будущим острожным постройкам: церкви, городовым воротам, казенному погребу, приказной избе и тюрьме. Сборы и приготовления в дорогу были недолгими, и 29 июля отряд из детей боярских и стрельцов во главе с Колтовским в сопровождении детей боярских Ивана Зиборова, Василия Горяинова, Степана Стрельникова и Ерофея Картомышева, назначенных в помощь воеводе во время похода, двинулся к Обоянскому городищу⁵¹.

Туда же была направлена часть детей боярских из Карпова сторожевья, где они несли службу и занимались «строительным делом». На место сооружения будущего города было велено прибыть и всем детям боярским, курянам и орловцам, ранее испомещенным по Пслу поблизости от Обоянского городища и несшим государеву службу в Карпове. Вместе с воеводой в отряде находился курский поп Исай, которому для организации службы в будущей обоянской соборной церкви из Москвы были отпущены иконы, печатные церковные книги и церковные одежды.

---

⁵⁰ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. — М., 2006. — Сс. 176.

⁵¹ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. — 2011. — № 5. — С. 21.

Сводный отряд двигался на городище с «большим береженьем». Дорога из Курска (54 км) до места назначения заняла два дня. Каждый раз, останавливаясь на привал или ночевку, отряд размещался «обвернувся обозом», чтобы «татаровя и черкасы безвесно не пришли и дурна какова не учинили». Первое, что сделал Колтовский по прибытии на место сооружения будущего острога, это тщательно, трехаршинной саженью, провел все необходимые замеры на местности, а также «и Обоянское городище измерити... сколько сажень тово Обоянсково городища по стенам будет». Через три дня после прибытия на городище воевода устроил смотр всему своему войску⁵².

25 августа 1649 г. в короткой отписке он сообщал, что общая численность прибывших составила 607 человек, в том числе 203 стрельца (два человека умерли по дороге). Детей боярских воевода тут же разбил на сотни, а часть стрельцов тут же выслал на вести в Белгород, Хотмыжск и на Олешню. Из сохранившихся документов известны имена первых обоянских начальствующих детей боярских, которые участвовали в строительстве города. Это сотенный голова Федор Афанасьев (у него в сотне есаулами были Микифор Афанасьев, Степан Кононов, Василий Горяинов и Иван Афанасьев), сотенный голова Добрыня Афанасьев (есаулы Дмитрий Басов, Василий Лохтионов, Клемен Кононов, Иван Митрофанов и Иван Семенихин), сотенный голова Иван Зиборов, который, как указано в документе, «побыл немного, переменен», а на его место назначен голова Лука Анахин (есаулы Павел Стрельников и Аким Офремов), сотенный голова Петр Бушмин (есаулы Михайло Козначеев и Петр Горбатой)⁵³.

Сделав расчеты и определив, сколько на городовое дело какого строевого леса надобно, а также установив, «далеко ль от города тот лес имати и в колько недель и колькими людьми город совсем мочно зделати и какими крепостями город укрепить». Колтовский приказал детям боярским не мешкая

---

⁵² Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 21.

⁵³ Там же. – С. 21.

приступить к заготовке леса и доставке его к месту строительства. Выбрав подходящее место для будущей крепости, разбив на земле ее контуры и заготовив строевой лес, воевода приступил к возведению острога⁵⁴.

Во многих исторических и краеведческих работах, а также в справочной литературе, указано, что острог на Обоянском городище заложен 16 августа 1639 г. Эта дата впервые была приведена в книге А. А. Танкова «Историческая летопись курского дворянства». В настоящее время данную дату принято считать днем основания города. Некоторые же исследователи считают, что при подготовке к изданию книги Танкова была, судя по всему, допущена опечатка. В цитируемой Танковым челобитной обоянского воеводы Колтовского четко указана иная дата: 16 августа 1649 года 23. В виду особой важности этого документа для истории Обояни процитируем пространный фрагмент из него: «Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии холоп твой, Ивашко Колтовской, челом бьет. В прошлом, государь, во 157-м году, июля в 5 день, по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу послан я, холоп твой, на твою государеву службу на Обоянское городище. А велено, государь, мне, холопу твоему, на реке на Псле, против Бакаева шляху, на Обоянском городище поставить жилой город со всеми крепостьми... И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу пришел я, холоп твой, на твою государеву службу на Обоянское городище с ратными людьми, з детьми боярскими и з стрельцами во 157-м же году августа в 1 день и Обоянская городища измерил трехаршиною саженью и августа ж, государь, в 16-м числе, на Спасов день, на Обоянском городище молебен пели и воду осветя и Обоянское городища святою водою окропили и между речки Обоянки и крутого боярака обложили два города, трои ворота, адиннацать

---

⁵⁴ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 20.

глухих башен, и о том государь я, холоп твой, писал к тебе, Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Руси того ж числа»⁵⁵.

Таким образом, днем основания Обояни нужно считать 16 августа (26 августа по новому стилю) 1649 г. Работу по строительству Обоянского острога Колтовский повел довольно энергично. Причиной тому было упущенное время вследствие задержки, возникшей из-за замены воеводы. Скорее всего, первоначально были углублены рвы и подсыпаны валы древнего Обоянского городища. Как сказано в черновике царского указа, «а покаместа город устроить, и Ивану [Колтовскому] учинить крепость, какую пригоже, чтоб ему и служилым людям в той крепости будет безстрашно, покаместа город устроитца»⁵⁶

Новая укрепленная линия, впоследствии получившая название «Белгородской засечной черты» или просто Черты, должна была стать надежной защитой от частых набегов крымских татар, ногайцев и украинских казаков (черкасов). Для прикрытия строительства новых городов к южной границе каждый год высылалось не менее двух приказов московских стрельцов. Так, например, в 1640 и 1642 гг. в Яблоне находилось 1000 московских стрельцов, в Чугуеве – 300 московских стрельцов. Они стояли на южных рубежах с апреля по октябрь практически ежегодно. В соответствии с царскими указами в новые города переселялись служилые люди различных категорий из Ливен, Курска, Ельца, Орла и др. Переселение на новые, необжитые места, естественно, нравилось не всем. Приходилось заводить новое хозяйство, практически бросив все нажитое имущество на старом месте. При этом так называемые «подъемные» деньги не всегда окупали затраты на переезд и дворовое строение⁵⁷.

---

⁵⁵ Бабин И. П., Озеров М. М., Сляднев В. М. Об основании города Обояни // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 22.

⁵⁶ Там же. – С. 22.

⁵⁷ Василенко Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII - начале XVIII вв. На материалах Центрального Черноземья: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Воронеж, 2003. – С. 140.

Многие переселенцы под разными предлогами старались уклониться от вынужденного путешествия, слали многочисленные челобитные, нанимали вместо себя вольных людей, среди которых оказывались бражники, зернщики (бражники – пьяницы, от слова «брага», зернщики – игроки в азартную игру, «зернь» или) и прочие не совсем благонадежные люди, которые при первых трудностях пускались в бег.

В то же время в старых южных городах многие служилые люди гибли в боях и походах или были взяты в полон татарами. При этом большую часть оставшихся, в основном «добрых и семейных», переводили в новые города, а бедные и одинокие разбредались от голода и нужды. На южных рубежах особенно ощущался недостаток служилых людей, как в новых южных городах, так и в старых. Еще в 1640 г. московские стрельцы добровольно были поселены в Яблнове и устроены там в казачью службу.

Московские стрельцы писались в казаки (т.е. в конную службу) и переселялись в южные города и в 1641-1642 гг. Однако более или менее укомплектовать казаками удалось только Яблнов. Местного воинского контингента не хватало не только для содержания новых крепостей, но и для прикрытия границы. Так, при построении Усерда в нем планировалось разместить 500 казаков и стрельцов из переселенцев и вольных людей⁶. Однако планы правительства столкнулись с банальной нехваткой людей, способных обращаться с оружием. При проверке в 1643 г. оказалось, что в Яблнове было только 458 казаков и 118 стрельцов, в Короче, соответственно, 190 и 26; в Усерде службу несли только казаки – 330 чел., в Чугуеве было казаков 223, стрельцов 103, в Хотмыжске – 48 стрельцов, в Вольном – 103 казаков и стрельцов 136⁵⁸.

Хроническая нехватка местного воинского контингента, проблемы с переселением служилых людей на юг, постоянные челобитные воевод о малочисленности сил в гарнизонах городов приводили к тому, что царское

---

⁵⁸ Волков В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – М., 2005. – С. 187.

правительство было вынуждено ежегодно посылать на южную границу значительные контингенты московских стрельцов. В 1643 г. на заседании Боярской думы был поднят вопрос: какое количество денег и хлеба потрачено на содержание «прибылым людям» в Яблнове, Короче, Усерде, Чугуеве, Хотмышском и Вольном.

Обсуждение свелось к тому, что если московских стрельцов в новые города и «впредь посылать» и им «будет в дальних проездах волокита», то Государевой казне в хлебном жаловании, в месячном корме и в подводах будут «убытки великие». Предлагалось сделать единовременную затрату и поселить в названных городах 1100 московских стрельцов, выдать им на дворовое строение единовременное пособие и жалование только за один год. Эта мера должна привести к тому, что «Государевой казне лишних убытков не будет», а сами стрельцы дворы себе построят и пашни заведут. Предложение было одобрено царем, и 10 декабря 1643 г. последовала «память» об устройстве в Яблнове, Усерде, Короче, Чугуеве, Вольном и Хотмыжске 1200 московских стрельцов. Для наделения их земель был командирован стрелецкий голова Богдан Озеренский. Он так же должен был купить 8000 четвертей ржи и овса на хлебное жалование⁵⁹.

Московским стрельцам, которые были высланы в Яблнов, Усерд, Вольное и Хотмыжск, было выделено на двух человек по подводе с проводником. За период 1639-1648 гг. в Чугуев, Карпов, Болховой, Яблнов, Усерд, Верхососенск, Царево-Алексеев, Хотмыжск и Вольный было переведено свыше 1100 стрельцов из других городов и 1100 стрельцов из Москвы¹¹. Если в 1639- 1640 гг. на южной границе находилось 5734 стрельца, то в 1651 г. там уже числилось уже 8761 стрельцов [13].

Согласно «Смете военных сил Российского государства 1651 г.» в Яблнове в то время числилось 2 чел. голов, 10 сотников, 300 стрельцов, «да стрельцов и казаков другого приказа 546 чел.», в Усерде – 1 голова, 277

---

⁵⁹ Глазатова Е.А., Ракитин А.С. Сокольские драгуны на Белгородской черте. Сказки о количестве поместной земли (1646 г.) // Записки Липецкого областного краеведческого общества. – Вып. 10. – Липецк, 2013. – С. 149.

стрельцов, 277 казаков; в Чугуеве с сотником 272 стрельца, 161 казак; в Вольном с сотником 191 стрелец, 228 казаков; в Хотмыжске 264 стрельца, 328 казаков. Московские стрельцы, переселенные в южные города, объединялись в отдельные сотни. Они не смешивались со «сведенцами» (т.е. сведенными) из других городов и, скорее всего, ведались в Стрелецком приказе (по крайней мере, до 1658 г.).

Наряду с возникшими в конце 40-х гг. XVII в. комарицкими драгунами, стрелецкие гарнизоны на юге Московского государства стали «основными постоянными гарнизонными частями. Они несли оборонительную городовую службу, охраняя крепости, прикрывавшие наиболее важные пути, татарские шляхи, ведущие из Крыма в центральные районы Русского государства». На начальном этапе русско-польской войны 1654-1667 гг. московские стрельцы-сведенцы, скорее всего, оставались в местах своего поселения для охраны степной границы от возможных набегов крымских татар и ногайцев [36].

Таким образом, в результате переселенческих мероприятий царского правительства степные рубежи государства получили более надежную защиту. Необходимость ежегодных командировок стрелецких приказов из столицы на Черту постепенно отпала. 22 июня 1677 г. царь Федор Алексеевич указал боярину кн. Ю.А. Долгорукову и дьякам выписать в Стрелецком приказе «в котором году московские стрелцы в Яблонов на вечное жительство з женами и з детьми с Москвы посланы и сколько человек, и по которое число годовым денежным и хлебным жалованьем в Стрелецком приказе они были ведомы, и посколку на год давано им ис Стрелецкого приказу денежного и хлебного жалованья против московских стрелцов». Согласно выписке «из расходных книг прошлых 151 и 152 (1643-1644) годов в Яблонов послано московских стрелцов на вечное жительство пять сот человек, государева годового жалованья давано им по 166 (1658) год, как они ведомы были в Стрелецком приказе»⁶⁰.

---

⁶⁰ Ляпин Д. А. Южнорусское пограничье в 1640-х-1650-х гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 3. – С. 53.

Однако сами белгородские стрельцы в челобитной царю Федору Алексеевичу писали, что первоначально они были переселены из Москвы в три города – Яблонов, Хотмыжск и Вольный: «в прошлом во 151 и во 152 годах по указу блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича... по наряду из Стрелецкого приказа на черту в Яблонов, в Хотмышской, на Волной послано московских стрелцов на вечное житье 500 человек...». По словам стрельцов, сведены они были из Москвы в «государевы украинные города... з женами и з детьми на вечное житье из розных приказов».

Таким образом, с учетом указанного числа, еще 600 стрельцов (из 1100 чел.) должны были быть поселены в Усерде, Чугуеве и Короче. Однако данных о переводе московских стрельцов в Корочу обнаружить не удалось. Непосредственно в Яблонов, вероятно, поселили 300 чел., а в остальные названные города по 200 чел. Упоминания в источниках стрелецких голов в Яблонове говорит о наличии там целого приказа. В остальных названных городах, скорее всего, располагались отдельные сотни под началом сотников. Вероятно, впоследствии они утратили свой «столичный» статус, поскольку только белгородские стрельцы продолжали именоваться «московскими»⁶¹.

Белгородский полк – крупное воинское соединение частей и гарнизонов всех укреплений Белгородской черты под единым руководством, способное не только отражать вторжения противника, но и вести активные наступательные действия – был создан в конце мая – начале июня 1658 г. в ходе проводимой правительством военно-административной реформы на юге России. В состав Белгородского полка вошли воинские силы, расположенные в 38 южных городах России (Белгород, Яблонов, Курск, Орел, Воронеж, Белев, Болхов, Мценск, Елец, Старый Оскол, Кромы, Усерд, Карпов, Козлов, Ливны, Верхососенск, Ефремов, Коротояк и другие). Формирование Белгородского полка повлекло за собой образование крупного военно-

---

⁶¹ Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. – М., 2006 – С. 231.

административного округа – Белгородского разряда. Воеводой (т.е. командующим) создаваемого Белгородского полка был назначен уже известный военачальник, окольный князь Григорий Григорьевич Ромодановский, которому были подчинены все другие воеводы Белгородской черты. Для смотра и разбора служилых людей Белгородского разряда весной 1658 г. был послан из Москвы думный дьяк Семен Заборовский. Тогда же бывшие яблоновские, хотмыжские и воленские (т.е. из города Вольный) московские стрельцы были переведены в Белгород. Первым стрелецким головой белгородского приказа стал стряпчий Климентий Алексеевич Иевлев⁶².

Согласно челобитной стрельцов белгородского приказа Клементия Алексеева сына Иевлева: «в прошлом 166 (1658) году по царскому указу и по разбору думного дьяка Семена Ивановича Заборовского взяты мы в Белгород на вечное житье и велено нас в Белгороде ведать ему, Клементию».

8 июня 1658 г. думный дьяк С.И. Заборовский и дьяк С. Титов в качестве представителей правительства официально передали в Белгороде под командование воеводы Г.Г. Ромодановского все вооруженные силы Белгородского полка в составе 19 252 человек.

Из ведомства Стрелецкого приказа стрельцы перешли в подчинение Белгородского разряда. Таким образом, фактически мы имеем точную дату формирования белгородского стрелецкого приказа. С того времени, по словам стрельцов, как переведены они «ис тех городов в Белгород на вечное житье з женами и з детьми», служат они «великому государю в Белогородцком полку з боярином и воеводами со князем Григорьем Григорьевичем Ромодановским с товарищи летние и зимние службы по все годы...»⁶³.

---

⁶² Молочников А.М. Даточные ратные люди как архаичная категория вооруженных сил России в XVI – начале XVII в. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 3. – М., 2014. – С. 30.

⁶³ Там же. – С. 30.

Созданный в 1658 г. белгородский приказ московских стрельцов первоначально насчитывал 6 сотен и состоял из 600 человек. Командные кадры состояли из стрелецкого головы, сотников, пятидесятников и десятников. В отличие от других московских стрельцов в белгородском приказе не было полуголовы. Отсутствие полуголовы наводит на мысль о том, что приказ был сформирован по старым штатам, существовавшим до 1656 г., когда у московских стрельцов не было полуголов. В 1658 г. в приказе было 12 пятидесятников по 2 на сотню⁶⁴.

Главное отличие этой воинской части от провинциальных стрелецких приказов состояло в том, что она была сформирована из московских стрельцов, переселенных в южные города «на вечное житье». Установленный для «сведенцев» размер денежного и хлебного жалования в первое время был таким же, как и в других столичных стрелецких приказах. Требуя в дальнейшем от правительства соответствующего отношения к себе, белгородские стрельцы неоднократно подчеркивали в челобитных царю, что они «исконные московские стрельцы», имея в виду свое столичное происхождение. Вероятно, первоначально переселение московских стрельцов на степную границу преследовало цель увеличения общей численности стрелецкого войска на юге страны.

Однако затем, с формированием единого центра командования и управления новой засечной чертой, сначала в Яблонице, а затем в Белгороде появилась потребность в постоянном, дисциплинированном и боеготовом подразделении, способном не только взять на себя представительские функции на южных рубежах, но и выполнять задачу охраны главнокомандующего всеми воинскими силами Белгородского разряда, в т.ч. выполнять функцию охраны его штаба. Эта задача становилась особенно актуальной в период роспуска большей части полков нового строя в условиях зимнего времени и позволила сохранить «московский статус» только тем

---

⁶⁴ Молочников А.М. Даточные ратные люди как архаичная категория вооруженных сил России в XVI – начале XVII в. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 3. – М., 2014. – С. 31.

стрельцам-переселенцам, которые оказались в Белгороде. Единое место дислокации личного состава приказа в отведенной ему слободе у городских валов Белгорода способствовало тому, что стрельцы фактически постоянно находились на службе, готовые к немедленному исполнению различных поручений и «посылок». Собирать их заранее, как полки нового строя, не было необходимости⁶⁵.

Основным источником материального обеспечения белгородских стрельцов в первые годы их существования было кормовое жалование. Большая часть стрельцов, к 1666 г. – три четверти, были «непашенными», а, значит, не отягощенными сезонными работами на земле в целях самобеспечения, как другие служилые люди, зависевшие от дохода с земельного надела. Это обстоятельство также способствовало тому, что данная воинская часть, не слишком крепко «привязанная» к земле, в любой момент была готова к дальнему походу и «иным службам».

Осуществленная в 1666 г. попытка правительства перевести всех белгородских стрельцов в разряд «пашенных», т.е. наделить их землей с целью сокращения размера денежного и хлебного жалованья, в условиях непрекращающихся боевых действий, не могла быть удачной. Она негативно сказалась не только на материальном положении стрельцов, но и на их мобильности. Недовольные этой реформой, стрельцы продолжали посылать челобитные в столицу о восстановлении им прежних окладов, таких же, как у московских стрельцов. Отчасти добиться справедливости и восстановления прежнего статуса белгородцам удалось лишь только после начала русско-турецкой войны 1672-1681 гг. К 1677 г. правительство полностью отказалось от идеи наделения «непашенных» стрельцов землей и изъяло земельные

---

⁶⁵ Молочников А.М. Даточные ратные люди как архаичная категория вооруженных сил России в XVI – начале XVII в. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 3. – М., 2014. – С. 32.

наделы у тех, кто их имел. Кормовое жалование снова стало основным источником материального обеспечения белгородских стрельцов⁶⁶.

В первые годы своего существования стрельцы могли участвовать в походах в так называемом «драгунском строе». Об этом можно судить по наличию лядунок, пищалей с замками и тому факту, что часть стрельцов в Конотопском походе покупали седла и лошадей. В третьей четверти XVII в. происходят изменения стандарта в вооружении белгородских стрельцов огнестрельным оружием: если в 1640-х годах большая часть полевой пехоты на Черте – это драгуны, потому и стрельцов вооружают также, то к началу 70-х годов значительные потери в пехоте нивелируют всякие различия. Стрельцы становятся обычными мушкетерами и их вооружают из тех комплектов, которые в массе поступают в Белгород, то есть фитильными мушкетами. Возможно, стрельцы уже в конце 50-х гг. XVII в. имели бердыши, однако, в известных описях вооружения Белгородского приказа на эти годы бердыши и сабли не встречаются. Сабли вместо шпаг в стрелецком войске предположительно появились в конце 1660-х гг.⁶⁷.

Обеспечение белгородских стрельцов государевым служилым платьем не было регулярным. Если столичные стрельцы по некоторым данным ежегодно имели возможность обновлять свои кафтаны, то белгородские стрельцы, несмотря на их «московский статус», постоянно испытывали серьезные проблемы с получением вещевого довольствия. Тем не менее, во всем Белгородском разряде это была единственная часть, имевшая централизованные поставки «цветного платья» (как правило, одного или двух цветов), что лишний раз подчеркивает представительскую (в т.ч. «парадную») функцию приказа. Если в период образования белгородского

---

⁶⁶ Рощупкин А.Ю. «Государево слово» и служилые казаки южных уездов Российского государства во второй четверти XVII в. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Вып. 3. – Воронеж, 2011. – С. 79

⁶⁷ Рощупкин А.Ю. Служилый человек южного пограничья России в конце XVI в. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Воронеж, 2009. – С. 103

приказа голове полагалось отдельное знамя (так называемое «головнино», т.е. в приказе 1 знамя головы и 7 знамен сотен, а в последствии даже 14), то уже к 1686 г. (после реформ 1680 г.) это знамя является уже не личным знаменем головы (полковника), а в полном смысле полковым знаменем и знаменем первой сотни (на полк из 8 сотен – 1 знамя полковника и 7 сотенных знамен). Таким образом, приказ (полк) уравнивается по знаменам с солдатскими полками нового строя, т.е. реформы в московской армии происходят одновременно и в полках нового строя и в стрелецких приказах (т.н. старого строя)⁶⁸.

Происходившие изменения в стрелецком войске после 1680 г. в целом были связаны с унификацией его организационных структур и доведении численности приказов до уровня полков нового строя. Несмотря на все трудности и опасности службы и произвол некоторых командиров, белгородские стрельцы гордились своим воинским статусом. В середине XVII столетия они были достаточно профессиональной, боеспособной и дисциплинированной частью пехоты Русского государства. Авторитет «мира» (коллектива), привилегированное положение и сословный характер обеспечивали высокую организованность и мобилизационную дисциплину. В условиях многолетних непрекращающихся войн белгородские стрельцы часто покидали гарнизонную службу и отправлялись на фронт. Они неоднократно демонстрировали свои высокие боевые качества в сражениях с поляками, казаками, турками и крымскими татарами.

---

⁶⁸ Рощупкин А.Ю. «Государево слово» и служилые казаки южных уездов Российского государства во второй четверти XVII в. // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Вып. 3. – Воронеж, 2011. – С. 80.

ГЛАВА II. ЯБЛОНОВСКОЙ И КОРОЧЕНСКИЙ УЧАСТКИ ЗАСЕЧНОЙ ЛИНИИ

§1. Строительство Яблоновского участка

Город Яблонов был построен на Изюмском шляху в 1637 году для защиты южных рубежей Московского государства от набегов крымских и ногайских татар⁶⁹. После свержения монголо-татарского ига, остатки орд на юге образовали Крымское ханство. Между Русью и Крымом лежала степь, так называемое «дикое поле». Татары рассматривали «дикое поле» как неистощимый источник обогащения. Сюда в пределы русской земли ежегодно вторгались отряды крымских и ногайских татар. Передвигались они по Муравскому, Изюмскому, Кальмиусскому и Ногайскому шляхам.

Эти татарские дороги вели к Брянску, Ливнам, Ельцу, Туле, Москве. целью набегов татар был грабеж и увод в рабство местного населения. Вот как описывал набеги татар французский инженер Г. Болан, находившийся в 30 40-х годах XVII века на территории современной Украины: «...Татары вооружены саблею, луком и колчаном с 18 или 20 стрелами; на поясе висит нож, огниво для добывания огня, шило и 5 или 6 сажень ременных веревок для вязания пленных. Стрелы их летят дугою, вдвое далее ружейной пули. Переправа татар через реки проходила сразу на большом участке реки с пологими берегами. Они складывали снаряжение и одежду на легкий плот, привязывали его к лошади и преодолевали реку вплавь, держась за гриву лошади. Летом татары совершали набеги и крупными, и мелкими силами, зимние набеги были редким явлением. Во время крупных набегов в походах участвовали десятки тысяч татар. Придя в заселенный район, татарское войско разделялось на отряды по несколько сот чело век, которые отделялись от главных сил поочередно. Эти отряды «рассыпаются по деревням, окружают селения со всех четырех сторон, чтобы не ускользнули жители,

---

⁶⁹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 35.

раскладывают по ночам большие огни; потом грабят, жгут, режут сопротивляющихся, уводят не только мужчин, женщин с грудными младенцами, но и быков, коров, лошадей, овец, коз»⁷⁰.

Только в первой половине XVII века, по минимальным оценкам, татары увели в Крым на невольничьи рынки Востока 150200 тысяч русских людей. Частые разрушительные набеги кочевников на русские рубежи, татарское вторжение 1571 года, во время которого крымцы дошли до Москвы и сожгли её посады, способствовали серьезному реформированию системы охраны южного пограничья. Несмотря на наличие мощных укреплений, Орел, Курск и другие порубежные города не могли служить для русских земель надежной защитой от татарских набегов: татары просто обходили их, стремясь за богатой добычей в центральные районы государства.

Вследствие этого почти одновременно с идеей реконструкции Тульской засечной черты возник новый проект: строительство новой непрерывной цепи укреплений «далеко в поле». Начало этому строительству было положено в 1635 году созданием Козловской укрепительной линии земляного вала и города Козлов. Козловский вал перекрыл Ногайскую дорогу; кроме Козлова в системе этой линии располагались крепости Бельский и Челновой (1636 г.), на восточных ответвлениях Ногайской дороги встали Тамбов, Верхний и Нижний Ломов. Затем была перерезана Изюмская дорога: здесь возвели Яблоновский вал и крепости Усерд, Яблонов и Корочу (1637 г.)⁷¹.

Строительство укреплений продолжалось быстрыми темпами, и к середине XVII века, образовалась единая мощная оборонительная линия Белгородская черта. В комплекс её сооружений входили остроги (города-крепости), различные инженерные сооружения, естественные природные препятствия (болота, леса, реки). Белгородская засечная (защитная) черта представляла собой две прямые линии, образующие угол при соединении у

---

⁷⁰ Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства). – М., 2008. – С. 87.

⁷¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 45.

впадения реки Тихая Сосна в Дон. Протяжённость засечной черты составляла 600 километров, с учётом изгибов 800 км. Проходила оборонительная линия по территории современных Сумской, Белгородской, Воронежской, Липецкой, Тамбовской областей, от реки Ворскла (район современного села Томаровка Белгородской области), до реки Челновая (Тамбовская область).

Главными узлами обороны засечной черты были города-крепости. Гарнизоны городов – крепостей защищали не только города и подчиненные им участки оборонительной линии, но и осуществляли ремонт искусственных оборонительных сооружений, отражали нападения татарских отрядов, высылали в поле отряды для наблюдения за главными татарскими дорогами.

На Белгородской черте находились 27 крепостей и острогов. В зависимости от места расположения и стратегических задач они делились на два основных типа: крепости в системе земляных валов и крепости на крутых берегах рек. Общим для крепостей обоих типов была геометрическая «регулярность» их очертаний: все они имели более или менее правильную прямоугольную форму, что объяснялось фортификационными требованиями того времени (возможность вести активную круговую оборону с использованием артиллерии, отсутствие «мертвой» зоны обстрела).

В крепостях городов Белгородской черты размещались приблизительно те же сооружения, что и в каменных кремлях городов укрепленного «берега» и деревянных укреплениях тульских городов: церковь, съезжая изба, иногда объединявшаяся с тюрьмой, погреба для хранения боеприпасов, комплекс воеводского двора, обнесенный особой оградой, включавший две-три избы и хозяйственные постройки (мыльню, поварню, конюшню, сараи и т.п.), а также осадные дворы жителей на случай военного времени⁷².

То, что практически все города Белгородской черты возникли как военные крепости, наложило заметный отпечаток на состав населения и на внешний облик этих городов. Они были укомплектованы почти исключительно служилыми людьми; посадские люди проживали только в

---

⁷² Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 67.

крупных городах (Воронеж, Белгород), но и там они составляли не более 20-25% населения. Высшая категория служилых людей служилые по отчеству была представлена только самым низшим разрядом детьми боярскими городовыми, причем нередко, владея поместьями, они не имели крепостных и сами обрабатывали землю, фактически не отличаясь от рядовых казаков. Казаки делились на две группы: одни служили «по прибору» наряду со стрельцами, пушкарями и др., другие назывались белопоместными и слободскими и владели отведенной им землей коллективно.

Среди служилых людей в особую группу выделялись «черкасы» украинские переселенцы. Ученые-историки отмечают три этапа в строительстве Белгородской оборонительной черты: 1635-1645 годы первый этап, 1645-1653 годы второй этап и 1651-1658 годы третий этап⁷³.

Города Яблонов и Короча в системе оборонительной линии были построены на первом этапе строительства, вслед за городом Козловым (ныне Мичуринск). После указа царя Михаила Фёдоровича Романова о строительстве городов-крепостей Яблонова и Корочи по причине малочисленности служивого населения в Корочанском стане и трудностей в обороне южных границ, по решению царской думы и разрядного приказа на Изюмскую сакму пришли 2000 московских стрельцов под руководством стольника Андрея Васильевича Бутурлина. В середине апреля 1637 года из Москвы под Яблоновский лес были доставлены «снасти».

На стройке ежедневно участвовало пять тысяч человек. И построен он был за исключительно короткий срок – за 14 дней. Уже в первый день строительства 16 апреля 1637 года были возведены стены и башни нового города-крепости Яблонов, а уже к 30 апреля возведены острожные стены длиной 202 сажени и 6 рубленных башен. Новый русский город – Яблоновский острог восстал прямо «на ходу крымского царя» и больших крымских людей.

---

⁷³ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 68.

Одновременно возводился служилыми людьми земляной вал, который был высотой 1,5 косых сажен /то есть около 3,5 метра/ по обе стороны Яблонова, от Халанского леса к Яблонову справа и от Яблонова к реке Короче слева. Его нужно было построить на расстояние более чем десяти километров.

Вал строился медленно «стали жары большие, дождей нет, земля сухая, а также стрельцы вал делают неспешно». Техническим руководителем строительства острога Яблонов и земляного вала был Иван Андреев, стольником Андрей Владимирович Бутурлин.

Люди несли свою службу, стояли круглосуточно на постах, вооруженные копьями и мечами. Конники зорко всматривались в степь, не пылит ли вдали дорога.

Первое нападение татар было в июне 1637года, которое было легко отбито. Второе – 16 сентября 1637года. А.В.Бутурлин послал 200 стрельцов в Оскол с обозом. Татары напали на возвращавшийся обоз, убили 15 человек, пленили стрельцов и забрали хлеб, предназначенный для строителей. После этого татарская конница сделала попытку прорваться к городу Яблонов, но через надолбы «конного хода не было» и татары в пешем строю повели наступление. Новый город надежно укрыл своих защитников и успешно выдержал осаду⁷⁴

В большинстве случаев служилые люди Яблоново старались не допустить неприятеля к стенам города. С этой целью отряды их выезжали в степь, чтобы в открытом месте встретиться с неприятелем. В крепости и в землянке проживали служилые люди с семьями. Государство снабжало их оружием и порохом, по всем другим вопросам вели натуральное хозяйство, занимались землёй. Расширяли земельные посеиы и несли вестовую службу. С появлением татар на востовой вышке зажигали огни. Эту весть принимали и другие курганы, которая за 3 дня весть доходила до Москвы. С

---

⁷⁴ Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – С. 46.

укреплением России и выходом ее к Черному морю значение Яблоновской крепости с каждым годом снижалось и со временем было утрачено.

Татарский отряд в 500 человек нападает на Корочанский уезд, татары пленят мирное население, забирают стада. На помощь корочанцам выступают ратные люди из Яблоново. Они настигли татар у деревни Тюриной. Здесь в первом же сражении татары потеряли 17 человек. Потерпев поражение, татары стали отступать, бросая стада «конские и животные», но продолжали увозить с собой пленников⁷⁵.

Яблоновцы начали преследование противника и у нынешнего села Дмитриевка на реке Короча дали новое сражение татарам, отбив 40 человек плененных ими корочанцев. Далее яблоновцы преследовали татар до реки Нежеголь. Здесь татары побросали много своего снаряжения, дальше преследовать татар было опасно. За рекой Волчей воды стекались со всех концов воровские шайки крымских татар. Здесь они делили награбленное имущество и пленников. Здесь же они, объединялись и давали отпор преследователям. Татары никак не могли смириться с тем, что им на пути к Туле и Ливнам встал город Яблонов со своими мощными укреплениями и смелыми русскими воинами. Поэтому они принимали бесконечные попытки сломить новый страж московского государства. Но это им не удавалось, ибо каждый раз защитники города Яблонов давали достойный отпор неприятелю.

В 1638 году крымские татары не совершали крупных набегов на корочанскую землю, а потому строители Яблонова успели сделать многое. Было завершено строительство земляного вала, за год возведено на протяжении 1747 сажень в дополнение к 2027 сажням. Одновременно возводился земляной вал вокруг самого Яблонова, а в 1640 году деревянный острог стал находиться в центре города, имеющиеся на территории Яблонова три колодца-родника и пруд обеспечивали служилых людей и население водой даже при осаде города (два из них «Ханский» и «Студенец» в памяти

---

⁷⁵ Карпов Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI - середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. – Брянск, 2009. – С. 48.

народной сохранились до наших дней, а пруд высох еще в середине прошлого столетия)⁷⁶.

Очень быстро Яблонов стал одним из наиболее укрепленных городов на Белгородской черте, со строительством города Яблонова образовывается Яблоновский участок Белгородской оборонительной черты. Он на 40-километровом расстоянии прочно закрывал путь врагам и не давал им проникнуть вглубь России. Кроме этого, образовывается Яблоновский уезд, который изменил контуры Белгородского уезда.

Перед открытием Курского наместничества (23 мая и 6 июня 1779 года) Яблонов перестал быть городом «по причине, что положение его на безводном месте, как и потому, что он от Корочи в 12 верстах».

В выборе места для сооружения крепости немаловажное значение сыграл и тот факт, что севернее Корочи соединялись две татарские дороги — Муравский шлях и Изюмская сакма.

Уже 16 апреля 1637 года были построены стены и башни нового города Яблонова. К 30 апреля, то есть за 14 дней, было возведено 202 сажени (в 1 сажени 2,1 м) рубленных стен и 6 рубленных башен. Возведенный Яблонов можно отнести к числу деревоземляных городов. Он располагался под защитой Яблоновского вала, вдоль которого со стороны «поля» через каждый километр были отсыпаны земляные городки как бы выступы вала, внутри каждого из которых находилась караульная изба, а на валу, служившем задней стеной городка, стояла деревянная проездная башня. Такой городок имелся и напротив южной проездной башни яблоневского земляного города. Этот земляной город правильных прямоугольных очертаний имел отводные городки-бастионы и капониры; по верху земляного вала шла деревянная стенаострог с обламами, включавшая девять глухих и четыре проезжие башни. Внутри земляного города, практически в центре его, был поставлен такой же прямоугольный малый деревянный город со

---

⁷⁶ Загоровский В.П. Белгородская черта. — Воронеж, 1969. — С. 87.

стенами, срубленными городнями и тремя башнями, причем проездная располагалась посередине стены с «московской» стороны, а к «полю» была обращена глухая стена, фланкированная двумя глухими же башнями⁷⁷.

Таким образом, Яблонов имел трехлинейную систему обороны: Яблоновский вал с земляным городком, вал земляного города и деревянные укрепления внутреннего острога. Древняя Короча в системе Белгородской оборонительной черты была построена шестым по счету городом после Белгорода, Козлова, Бельского, Челнового и Яблонова и относилась к типу городов с рублеными стенами, которые были образованы соединением прямоугольных срубов – клетей.

Следует пояснить, что до 1656 г. центром новой засечной черты (в дальнейшем получившей название Белгородской) на южной границе был город Яблонов (ныне – с. Яблоново, недалеко от Белгорода). Однако затем место Яблонова занял более стратегически важный Белгород. Перемещение главного воеводского центра повлекло за собой и перемещение яблоневского стрелецкого приказа, который на постоянной основе выполнял полицейские и представительские функции на южной границе. Вероятно, первоначально переселение московских стрельцов на степную границу преследовало цель увеличения общей численности стрелецкого войска на юге страны. Однако затем, с формированием единого центра командования и управления новой засечной чертой, сначала в Яблонове, а затем – в Белгороде, появилась потребность в постоянном, дисциплинированном и боеготовом подразделении, способном не только взять на себя представительские функции на южных рубежах, но и выполнять задачу охраны главнокомандующего всеми воинскими силами Белгородского полка или разряда, в т.ч. выполнять функцию охраны его штаба.

---

⁷⁷ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 98.

§2. Корочанский участок

Протяженность корочанского участка на оборонительной линии составляла около 35 километров. На 28 километрах он проходил по местности, почти неприступной для татар густым лесом на правом берегу реки Корочи и 7 км по земляному валу. Эти последние 7 километров были самой важной частью Корочанской военной зоны.

По завершении строительства Яблорова воевода А.В. Бутурлин предложил построить новый город на правом берегу реки Короча. 9 июня 1637 г. на меловой горе московские стрельцы, белгородские и оскольские служилые люди приступили к закладке города, строительство которого так и не было завершено по причине безводности. В начале июля А.В. Бутурлин перевел стрельцов на строительство земляного вала. Весной 1638 г. новым воеводой Л.П. Львовым было принято решение о переносе недостроенного города с меловой горы на новое место — вниз к реке. В короткий срок было возведено 5 рубленых башен с острожной стеной высотой в 2 сажени. Был выкопан тайник для хранения пороха и ядер. В нем были устроены и колодцы. Из крепости был сделан тайный ход к реке для воды в осадное время. Было сооружено 790 бойниц. Когда доходил слух о приближении татар к корочанской местности, то в острожек, примыкающий к восточной стороне городка, из всех окрестных селений пригоняли скот, чтобы татары его не угнали. На вершине меловой горы находился сторожевой пункт городка Корочи, с которого открывался вид на значительное расстояние. Он был очень удобен для выполнения сторожевой службы по наблюдению за движениями и набегами татарской орды⁷⁸.

Сам город Короча был основан на высоком правом берегу реки Корочи (Белой горе) 9 июня 1637 года. Однако крепость была сожжена татарами крымского Нурадын-царевича и, согласно решению Военного Совета под руководством воеводы Д. П. Львова, на следующий год вновь заложена по

---

⁷⁸ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 112.

правому берегу реки Корочи напротив соорудившегося земляного вала Белгородской оборонительной черты. Древний город занимал северную часть нынешнего города. За месяц строители возвели дубовую сторожевую стену высотой в две сажени, пять рубленых башен, сделали 790 бойниц, устроили тайник. В городе построена была деревянная церковь, устроены житницы. Город кругом был окопан рвом и огражден острогом, установлено 2 ворот (Московские, Водяные). Из крепости сделан был тайный ход к реке для воды в осадное время. В тайнике были устроены также колодцы. Для большей защиты от татарских нападений недалеко от укрепленного городка был устроен земляной вал, и, так называемая сторожка, или сторожевой пункт, откуда очередные сторожевые люди наблюдали за разъездами татар, происходившими обыкновенно от начала мая до сентября и даже до октября. Такой сторожевой пункт находился на вершине высокой и крутой горы. Гора эта теперь, как и прежде, была за городом на север, называется сейчас Белой, а в прежние давние времена называлась Красною⁷⁹.

Строительство города завершилось 24 июня 1638 года. Первоначально город был назван Красным городом на Короче, позже Корочей. Города Короча и Яблонов и участок между ними перекрыли Изюмский шлях и имели большую значимость в обороне. Изначально предполагалось, что здесь будет центр Белгородской черты. Короча и Яблонов были тесно связаны между собой. Они помогали друг другу в лихую годину и даже делились между собой оружием и боеприпасами. Они были соединены земляным валом, о своевременном ремонте которого заботились воеводы. Земляной вал являлся самым распространенным типом искусственных защитных сооружений. Обычно вал насыпался в наиболее опасных местах. Между Корочей и Яблоновым вал имел протяженность 14 километров, и высоту «две сажени без четверти» – 3,7 м. Это была наиболее высокая насыпь на Черте⁸⁰.

---

⁷⁹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 113.

⁸⁰ Там же.

Белгородская засечная черта служила государству почти до конца 17 века, являясь преградой от грабительских набегов. Мощь Белгородской черты и надежность ее были таковы, что за всю историю существования татарской конницы не удалось прорвать ее практически ни в одном месте на участке от Ахтырки до Тихой Сосны. В 1783 году, в связи с присоединением Крымского ханства к территории России, надобность в черте отпала.

От Нежегольска (в районе нынешнего Шебекино) до Корочи оборонительная линия тянулась по правому берегу реки Короча высокий холмистый участок, сплошь покрытый лесом, был естественной преградой для татарской конницы. Как описывается в книге: "К северу от с. Старикова (нынешний Шебекинский район) вплоть до "короченского посада" тянулся "Большой Короченский лес". Вместе с болотистой поймой реки Корочи он представлял для татарской конницы почти непреодолимое препятствие"⁸¹.

В той же книге Загоровского при описании Короченского участка засечной черты есть часть текста, которая привлекла моё внимание: "Для наблюдения за движением татар по Изюмской дороге напротив Короченского участка Белгородской черты были построены два стоялых острожка "за чертой": Отскачный и Ивицкий. В них размещались "отъезжие острожки".

Местоположение Отскачного и Ивицкого острожков на сегодняшний день не установлено. Упоминание Ивицкого острожка натолкнуло нас на мысль об его расположении в районе реки Ивица. Существует также одноименное село Ивица, которое вполне могло быть основано в районе расположения стоялого острожка⁸².

Острог небольшой постоянный или временный населённый укрепленный пункт, обнесённый оградой из заострённых сверху брёвен высотой 4 – 6 метров. Бревенчатая ограда острога помещалась на плоской местности или на вершине небольшого земляного вала и была окружена с

---

⁸¹ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 165.

⁸² Там же.

наружной стороны рвом. Острог чаще всего имел четырёхугольную форму. По углам четырёхугольника размещались башни. Для сообщения с полем использовались проезжие башни.

Во многих исторических источниках указывается, что город-крепость Яблонов был построен прямо на Изюмском шляхе, перегородив один из основных путей набега татар на Русь. Соответственно, оптимальным местом расположения Ивицкого острожка могли быть юго-восточные склоны правого берега реки Ивица. Здесь расположены два населенных пункта – Ивица и Соколовка. Было очень логично предположить, что село Ивица вполне могло быть основано изначально как стоялый острожек. С южных склонов правого берега реки Ивица действительно открывается хороший обзор на юго-восток – именно с этого направления приходила татарская конница по Изюмскому шляху.

Однако само село Ивица находится на левом берегу реки, то есть со стороны "Дикого поля", что было бы неверным стратегическим расположением острожка в то военное время. Логично предположить, что первоначальное расположение поселения должно было размещаться на правом, высоком берегу, защищенном от поля рекой.

Согласно топографическим картам Шуберта, село Ивица действительно располагалось на левом берегу одноименной реки, в низине, что означает его более позднее основание. А вот Соколовка в большей своей части находится на правом берегу. Также на карте можно обнаружить контуры квадратного объекта, расположенного именно в том месте, где сейчас на спутниковых снимках можно разглядеть контуры предполагаемого вала. Показательно и то, что дорога на карте Шуберта примыкает к квадратному объекту именно в том месте, где на местности вал прерывается.

Итак, вполне возможно, что на правом высоком берегу реки Ивица в районе села Соколовка сохранились остатки Ивицкого стоялого острожка. Возле острожка вполне могло возникнуть поселение, которое затем спустилось к реке. На более ранних схематических картах это поселение

называется Соколово. Стратегически это очень удачное место для расположения военного дозора – с трех сторон крутой склон, по дну которого протекали реки Сухая и Мокрая Ивица, с четвертой стороны – дорога по направлению к Короче и Яблонову. Юго-восточный склон выходит как раз по направлению к Изюмскому шляху. Соответственно, одна из улиц нынешней Соколовки является исторически самой старой частью села. Сейчас эта улица среди местных жителей называется Слобода. Здесь же существовал и деревянный храм, возведенный в 1769-м году, что делало его одним из старейших белгородских деревянных храмов. В 1922-м году он был закрыт, как позже оказалось – навсегда.

Поселенцами укрепленного сторожевого городка Корочи были люди военного сословия того времени: дети боярские, русские казаки, стрельцы, пушкарки и черкасы. 24 июня 1638 г. было завершено строительство города, который стали называть Корочей по названию реки. Эта дата и считалась 'днем рождения нашего города до начала XXI века. Кандидат исторических наук А.И. Папков (Белгородский государственный историко-краеведческий музей) по результатам работы в Российском государственном архиве древних актов подготовил историческую справку «Основание города Корочи». Изучение архивных материалов позволило ему установить, что к 5 июля 1637 г. стены и башни крепости на Красной горе уже были поставлены. Но город не был заселен. В исторической справке А.И. Папков предлагает датой основания Корочи как населенного пункта считать 9 июня 1637 г. Управление культуры администрации Белгородской области предложило «учесть данные сведения при определении даты празднования Дня города и других мероприятий».

В 1637 г. по решению Думы и разрядного приказа под руководством стольника А.В. Бутурлина более 2000 московских стрельцов в марте прибыли на изюмскую саклю, чтобы построить деревянный острог и земляной вал. А.В. Бутурлин предложил построить город на реке Короче и, получив разрешение разряда, заложил его 9 июня 1637 года на меловой горе, на правом берегу реки.

В ноябре 1637 г. Андрея Бутурлина отозвали в Москву.

Весной 1638 г. прибыл новый воевода князь Д.П. Львов с пятьюстами московских и пятьюстами новгородских стрельцов. Для решения вопроса о месте расположения города Короча воевода Д.П. Львов устроил военный совет, на котором место на меловой горе, выбранное А.В. Бутурлиным, где уже стояли стены недостроенного города было признано неудачным, на горе не было воды.

Было решено строить город внизу, у реки, прямо напротив сооружающегося тогда же земляного вала Белгородской засечной черты (1635-1642 гг.)

Строители возвели дубовую острожную стену высотой в две сажени с обломами, пять рубленых башен, сделали 790 бойниц, выкопали ров. Длина крепостных стен составляла 264 сажени. "Верхние бои" башен были устроены на уровне меловой горы, находившейся теперь севернее города. Строительство города на новом месте закончилось 24 июня 1638 г. Первое время он назывался "Красным городом на Короче". Но такое название просуществовало недолго, город-крепость стали называть просто и понятно: Короча.

За городом тянулся заповедный лес, игравший роль укрепления. При основании г. Корочи был прислан из Москвы колокол, которым подавали сигналы тревоги. Но в 1644 г. он был разбит. Царь Михаил Федорович по случаю разбития колокола прислал Корочанскому воеводе Апраксину грамоту, в которой указывает за неправильный надзор за ним.

Согласно этой грамоте, в 1644 г. зимой разбитый колокол был доставлен в Москву и переменен на новый, о чем свидетельствует грамота, данная в 1673 г. царем Алексеем Михайловичем Корочанскому воеводе Позднякову. Вестовой колокол был прислан с корочанцем Евсеем Козлюниным, на ямских подводах.

В 1674 г. царь Алексей Михайлович в Корочу из Москвы прислал "Вестовой (вещий) колокол, весом в 12 пудов, на верхней части которого была надпись: "Царь указал сей вестовой колокол на Корочу послать".

Первыми воеводами г. Корочи с его основания и до конца 17 века были князья: Прозоровский, Апраксин, Милославский, Войков, Доможиров, Ржевский, Караулов, Билибин, Загразский, Поздняков, Иевлев, Савелов, Селиванов-Поздняков, Яцкой, Павлов, Лутовинов, Пущин, Третьяков, Плещеев, Волконский, Офроимов, Тевяшов, Зыков, Болотников, Лопатин, Арнаут, Колобакин, Кисленской, Офросимов, Тивяшов. За 62 года сменилось сорок воевод, вероятно, служба была нелегкая.

В 1640 г. на реках Короча и Корень украинские мастера начали строить мельницу. В первое время своего существования Короча, Яблонов и ряд других городов-крепостей Белгородской оборонительной черты не могли всегда сдерживать опустошительные набеги татар 1644 1645 гг.. Лишь только в первой половине 17 столетия 200 тысяч русских людей было уведено и продано в рабство, русские и украинские селения разорялись, сжигались дотла, стариков убивали, угоняли скот.

Между городами-крепостями возводятся земляные валы, строятся новые города, заселяются служилыми людьми, переселенцами из Украины. Так удалось заселить Корочу в 1642 г.. Здесь жили 446 черкес, составлявших 61% служилых людей города.

До настоящего времени сохранились остатки так называемого "турецкого вала" от Корочи к Яблонову. Первоначальная высота вала составляла полторы косых сажени (3,7 м.). Вал насыпался в 20 сажень от установленных. Для прочности в него закладывали хворост, сверху покрывали дерном. Руководил строительством вала "горододелец" Иван Андреев. Работа продолжалась несколько лет, но Изюмская дорога была перегорожена земляным валом поперек.

Зимой 1645 г. по Муравской дороге вторглись татары и подвергли страшному разгрому юго-западные русские уезды, включая и Курский.

Белгородская оборонительная черта, которая пролегла через Корочанскую землю, была построена за 24 года: с 1634 по 1658 г. Как свидетельствуют русские летописи, эти годы были неблагоприятными и по климатическим условиям в нашем крае. Из 24 лет 14 с трагической печатью: засуха, нашествие саранчи, градобитие, суровые зимы, эпидемии.

В 1638 году (год строительства города Корочи), выпала суровая зима. Летопись того времени гласит: "От мороза погибли многие ляхи на реке Корени". Весной этого года обрушилась засуха, которая длилась до середины июля. Все озимые хлеба погибли. В 1639 г. снова на Украине и Белгородской черте засуха, сгубившая урожай. Снова голодный год.

Последние три года (1640-1642) были благоприятными. Но в 1643 г. выдалась суровая, продолжительная зима, а лето засушливое. Осенью 1643 г. рано выпал обильный снег, который поломал множество деревьев в лесу и "завалил" крестьянские избы выше крыш...

В 1646 г. обрушилось нашествие саранчи: "...её было так много, что она покрывала землю на четыре дюйма, наполняла и дома, и конюшни, и погреба". В 1647 г. такое же нашествие саранчи повторилось. В 1648 г. зима выдалась мягкая, поэтому саранча снова размножилась на лето. Она съела посевы не только сельскохозяйственных культур, но и травы.

В 1649 г. снова засуха и нашествие саранчи. Она погубила посевы в Корочанском и Белгородском уездах. 9 апреля 1650 г. на Украине произошло землетрясение. Опять повторилась засуха и нашествие саранчи на корочанщине. Голод продолжался три года. Много умирало людей по дорогам.

В 1652г. к голоду присоединилась эпидемия, которая унесла много человеческих жизней. В 1658 г. в завершающем году строительства Белгородской оборонительной черты, на земли снова обрушилась засуха.

Таковы были климатические условия в период строительства Белгородской оборонительной черты⁸³.

---

⁸³ Загоровский В.П. Белгородская черта. – Воронеж, 1969. – С. 146.

При устройстве новых городов по Белгородской черте выработались определенные правила. Одним из таких правил было поселение всех жителей нового города поблизости от него в слободах и устройство внутри города осадных изб, где жители пригородных слобод могли бы селиться в случае опасности.

В 1658 г. в городе Короча было 848 служилых людей, в том числе детей боярских 269, черкас 391, казаков 140, стрельцов 27, пушкарей, затынщиков 21 человек. На реке Короче значилось десять мельниц, принадлежащих детям боярскими: Матвею Останову, Давыдке Буркову, Фирсу Чернышову, Микидону Цигалеву, Максиму Тесневослы, Савке Владимирскому, Василию Сыромятникову, Емельяну Воронежскому, Михаилу Романову, Сидорке Семенову. Несколько мельниц значилось на реках Ивица, Донецкая Семица и Верхосежены, принадлежащих корочанцам Михаилу и Игнатке Бородиным, Афанасию Федорову.

В 1689-1691 гг. Белгородский полк, в состав которого входили корочанцы и яблоневцы, под командированием воеводы Бориса Петровича Шереметьева совершил ряд удачных походов против крымских татар. Этим и заслужил воевода Шереметьев благосклонность Петра I.

Весной 1693 г. ратные люди Белгородского полка во главе с воеводой Б.П. Шереметьевым разбили в сражении на Днепре войска сына крымского хана и шайки черкас во главе с атаманом Петриком. После поражения на Днепре крымские татары перестали беспокоить своими набегами наш край. Дальше Валуек продвигаться они уже не рисковали.

Таким образом, Корочанский и Яблоневский участки засечной черты сыграли большую роль в обороне границ от татарских набегов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Город Яблонов был построен на Изюмском шляху в 1637 году для защиты южных рубежей Московского государства от набегов крымских и ногайских татар. Города Яблонов и Короча в системе оборонительной линии были построены на первом этапе строительства, вслед за городом Козловым (ныне Мичуринск). После указа царя Михаила Фёдоровича Романова о строительстве городов-крепостей Яблонова и Корочи по причине малочисленности служивого населения в Корочанском стане и трудностей в обороне южных границ, по решению царской думы и разрядного приказа на Изюмскую сакму пришли 2000 московских стрельцов под руководством стольника Андрея Васильевича Бутурлина. Очень быстро Яблонов стал одним из наиболее укрепленных городов на Белгородской черте, со строительством города Яблонова образовывается Яблоновский участок Белгородской оборонительной черты. Он на 40-километровом расстоянии прочно закрывал путь врагам и не давал им проникнуть вглубь России. Кроме этого, образовывается Яблоновский уезд, который изменил контуры Белгородского уезда.

Яблонов имел трехлинейную систему обороны: Яблоновский вал с земляным городком, вал земляного города и деревянные укрепления внутреннего острога. Древняя Короча в системе Белгородской оборонительной черты была построена шестым по счету городом после Белгорода, Козлова, Бельского, Челнового и Яблонова и относилась к типу городов с рублеными стенами, которые были образованы соединением прямоугольных срубов – клетей.

Протяженность корочанского участка на оборонительной линии составляла около 35 километров. На 28 километрах он проходил по местности, почти неприступной для татар густым лесом на правом берегу

реки Корочи и 7 км по земляному валу. Эти последние 7 километров были самой важной частью Корочанской военной зоны.

Сам город Короча был основан на высоком правом берегу реки Корочи (Белой горе) 9 июня 1637 года. Строительство города завершилось 24 июня 1638 года. Первоначально город был назван Красным городом на Короче, позже Корочей. Города Короча и Яблонов и участок между ними перекрыли Изюмский шлях и имели большую значимость в обороне. Изначально предполагалось, что здесь будет центр Белгородской черты. Короча и Яблонов были тесно связаны между собой. Они помогали друг другу в у и даже делились между собой оружием и боеприпасами. Они были соединены земляным валом, о своевременном ремонте которого заботились воеводы. Земляной вал являлся самым распространенным типом искусственных защитных сооружений. Обычно вал насыпался в наиболее опасных местах. Между Корочей и Яблоновым вал имел протяженность 14 километров, и высоту «две сажени без четверти» – 3,7 м. Это была наиболее высокая насыпь на Черте.

Местоположение Отсочного и Ивицкого острожков на сегодняшний день не установлено. Упоминание Ивицкого острожка натолкнуло нас на мысль об его расположении в районе реки Ивица. Существует также одноименное село Ивица, которое вполне могло быть основано в районе расположения стоялого острожка.

ИСТОЧНИКИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

I. Источники

1. Акты Московского государства (АМГ), публикация документов по политической и военной истории России / под ред. Н.А. Попова и Д.Я. Самоквасова: в 3-х тт. – Т. I–III – СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890 – 1901.

II. Исследования

2. Ахмадуллин, Ш.А. Буинск: Страницы истории / Ш.А. Ахмадуллин. – Казань: Татарское книжное издательство, 1991. – 137 с.

3. Бабин, И.П. Об основании города Обояни / И.П. Бабин, М.М. Озеров, В.М. Сляднев // Курский край. – 2011. – № 5. – С. 15–22.

4. Василенко, Д.В. Движение населения южной окраины России во второй половине XVII – начале XVIII вв. На материалах Центрального Черноземья: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. / Д.В. Василенко. – Воронеж, 2003. – 191 с.

5. Вожаева, А.И. Участие курян в строительстве Белгородской засечной черты / А.И. Вожаева // Курский край. – 2005. – №3–4. – С. 5–8.

6. Волков, В.А. Основные проблемы военной истории Русского государства конца XV – первой половины XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. / В.А. Волков. – М., 2005. – 438 с.

7. Галлямов, Р.Ф. Закамская засечная черта и первые русские поселения в Алексеевском крае / Р.Ф. Галлямов. // Алексеевский район. История и современность. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 279 с.

8. Гамаюнов, А.И. Лебедьянь в начале XVII в. / А.И. Гамаюнов // Исторический квартал. Иллюстрированный научно-популярный альманах историко-культурного наследия Липецкого края. – Липецк: Древлехранилище, 2013. – 239 с.

9. Глазатова, Е.А., Ракитин А.С. Сокольские драгуны на Белгородской черте. Сказки о количестве поместной земли (1646 г.) / Е.А. Глазатова, А.С. Ракитин // Записки Липецкого областного краеведческого общества. – Вып. 10. – Липецк: изд-во Липецкого областного краеведческого общества, 2013. – С. 149-164.
10. Гуркин, В.А. На берегах Русского Нила. История изучения территории Симбирского Поволжья / В.А. Гуркин. – М.: РАН, 2005. – 239 с.
11. Добычина, Е.В. «Пехота, посаженная на лошадей» / Е.В. Добычина // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 8 (580). – С. 2–3.
12. Загоровский, В.П. Белгородская черта / В.П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. – 304 с.
13. Загоровский, В.П. Изюмская черта / В.П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1980. – 200 с.
14. Загоровский, В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI в. / В.П. Загоровский. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1991. – 270 с.
15. Загоровский, В.П. Некоторые особенности колониационного процесса южной окраины России в XVII в. и его периодизация / В.П. Загоровский // Из истории Воронежского края. – Вып. 3. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1969. – С. 83–93.
16. Зенченко, М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI – начале XVII в. (опыт государственного строительства) / М.Ю. Зенченко. – М.: Памятники исторической мысли. – 2008. – 224 с.
17. Зенченко, М.Ю. Южные уезды России в конце XVI – первой четверти XVII века: Формирование административно-территориального устройства: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. / М.Ю. Зенченко. – М., 2005. – 265 с.
18. Иванин, М.И. Описание Закамских линий / М.И. Иванин // Вестник Императорского русского географического общества на 1851 г. Ч. 1. Кн. 1. – СПб., 1888. – 78 с.

19. Карпов, Д.А. Укрепленные пункты юго-западного порубежья Московского государства в XVI – середине XVII века: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. / Д.А. Карпов. – Брянск, 2009. – 283 с.
20. Лаптева, Т.А. К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII в. (поверстание в дети боярские представителей других сословий) / Т.А. Лаптева // Отечественная история. – М., 2003. – № 5. – С. 81–96.
21. Лаптева, Т.А. Провинциальное дворянство России в XVII в. / Т.А. Лаптева. – М.: Древлехранилище, 2010. – 593 с.
22. Лимаров, А.И. Списки присягнувших из крестоприводной книги города Белгорода и уезда царю Алексею Михайловичу в 1645 г. Источники по генеалогии жителей Белгородской черты / А.И. Лимаров, Р.А. Сапелин. – Вып. 1. – Белгород: Крестьянское дело, 2008. – 121 с.
23. Ляпин, Д.А. Южнорусское пограничье в 1640-х-1650-х гг. / Д.А. Ляпин // Вопросы истории. – 2013. – № 3. – С. 53–64.
24. Ляпин, Д.А. Колонизация Юга России переселенцами с Малороссии в середине XVII века / Д.А. Ляпин // История в подробностях. – 2013. – № 10 (40). – С. 84–91.
25. Малов, А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656-1671 гг. / А.В. Малов. – М.: Древлехранилище, 2006 – 359 с.
26. Мальцев, В.П. Борьба за Смоленск (XVI – XVII вв.) / В.П. Мальцев. – Смоленск: СМОЛГИЗ, 1940. – 54 с.
27. Мартынов, П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических сведений о городе Симбирске / П.Л. Мартынов. – Симбирск: изд. Симбир. губ. учен. арх. комис., 1898. – 148 с.
28. Миклашевский, И.Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. Заселение и сельское хозяйство южных окраин XVII в. / И.Н. Миклашевский. – М.: Лань, 2013. – 313 с.

29. Молочников, А.М. Даточные ратные люди как архаичная категория вооруженных сил России в XVI – начале XVII в. / А.М. Молочников // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи средних веков и Раннего Нового времени. – Вып. 3. – М.: Русские Витязи, 2014. – С. 30–43.
30. Новосельский, А.А. Борьба Московского государства с татарами / А.А. Новосельский. – М.-Л.: изд-во Академии Наук СССР, 1948. – 452 с.
31. Павлов-Сильванский, Н.П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства / Н.П. Павлов-Сильванский. – М.: Крафт+, 2000. – 288 с.
32. Паллас, П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи / П.С. Паллас. Ч. 1. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1809. – 116 с.
33. Папков, А.И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. / А.И. Папков. – Белгород: Константа, 2004. – 351 с.
34. Проторчина, В.М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI – первой половине XVII вв.: дисс. ... канд. наук: 07.00.02. / В.М. Проторчина. – Л., 1948. – 286 с.
35. Рощупкин, А.Ю. «Государево слово» и служилые казаки южных уездов Российского государства во второй четверти XVII в. / А.Ю. Рощупкин // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Вып. 3. – Воронеж: Истоки, 2011. – С. 79–85.
36. Рощупкин, А.Ю. Из истории колонизации Юга России в конце XVI в. (набор казаков в Елец) / А.Ю. Рощупкин // Сборник научных работ студентов исторического факультета ЕГУ им. И.А. Бунина. – Вып.6. – Елец: ЕГУ, 2007. – С. 13–17.
37. Рощупкин, А.Ю. Служилый человек южного пограничья России в конце XVI в. / А.Ю. Рощупкин // Образ прошлого: историческое сознание и его эволюция. Материалы научной конференции молодых ученых. – Воронеж: Научная книга, 2009. – С. 103–109.

38. Скрынников, Р.Г. История Российская IX-XVII вв. / Р.Г. Скрынников. – М.: Весь мир, 1997. – 496 с.
39. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев / Соч.: в 18 томах. – Кн. 4. – Т. VII-VIII. – М., 1988-1991. – 768 с.
40. Тарас, А.Е. Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV-XVII вв. /А.Е. Тарас. – М.-Минск: Харвест, 2006. – 800 с.
41. Татищев, В.Н. История Российская. В 3-х тт. / В.Н. Татищев. – М.: АСТ, 2005. – 568+732+860 сс.
42. Трепавлов, В.В. «Орда самовольная». Кочевая империя ногаев XVIXVII в. / В.В. Татищев. – М.: Квадрига, 2014. – 221 с.
43. Фоминов, А.В. Пограничный город в периоды крестьянско-казацких восстаний и социальных протестов: от Смуты до Булавинского бунта / А.В. Фоминов // Белгородский краеведческий сборник. – Вып. 10. – Белгород: Везелица, 2013. – С. 4–19.
44. Чепухин, А.Г. Валуйское разорение 1633 г. / А.Г. Чепухин // Белгородский краеведческий сборник. – Вып. 10. – Белгород: Везелица, 2013. – С. 63–77.
45. Чернов, А.В. Вооруженные силы Русского Государства в XV-XVII вв.: С образования централизованного государства до реформ при Петре I. – М.: Воениздат, 1954. – 150 с.
46. Чистякова, Е.В. Волнения служилых людей в южных городах России в середине XVII в. / Е.В. Чистякова // Русское государство в XVII в. Новые явления в социально-экономической, политической и культурной жизни. Сборник статей. – М.: АН СССР, 1961. – С. 254–272.
47. Яковлев, А.И. Засечная черта Московского государства в XVII в. / А.И. Яковлев. – М.: Типография И. Лисснера и Д. Собко, – М., 1916. – 312 с.